

«НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ЛУКУЛЛА»

1

Ода «На выздоровление Лукулла» появилась в сентябрьской книжке журнала «Московский наблюдатель» за 1835 г. Журнал по обыкновению запоздал и вышел в свет в последние дни года. Подзаголовок «Подражание латинскому» не помешал современникам узнать в объекте пушкинской сатиры обласканного царем министра, автора знаменитой формулы «православие, самодержавие и народность», ставшей знаменем правительственной политики в 1830-е годы. Да поэт и не скрывал, в кого он метил. Не удивительно, что светское общество было скандализировано появлением памфлета. Перепечатка «Лукулла» в России на долгое время стала невозможной. Уже при жизни Пушкина он стал распространяться в списках.¹ Даже перепечатки в герценовских заграничных изданиях² относятся уже ко времени после смерти Николая I и Уварова. В России же еще и в начале нового царствования стихотворение оставалось под цензурным запретом. В 1857 г. П. В. Анненков сделал тщетную попытку напечатать его в седьмом, дополнительном томе собрания сочинений Пушкина: решением цензурного комитета ода не была дозволена к печати.³

И все-таки в 1858 г., после завершения издания сочинений Пушкина под редакцией Анненкова, «Лукулл» был напечатан

¹ Среди них список П. П. Каверина, помеченный 11 февраля 1836 г. (см.: Ю. Н. Щербачев. Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин. М., 1913, стр. 141), несколько списков 1836 г., хранящихся в рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 244, оп. 4, №№ 18—22 и др.). Списки, находящиеся в других архивах, до сих пор не собраны и не обследованы, быть может, потому, что все они относятся ко времени после публикации оды, восходят к тексту «Московского наблюдателя» и не имеют значения источников текста. Тем не менее изучение самих списков и их распространения представляет известный интерес, так как может пролить дополнительный свет на восприятие «Лукулла» современниками.

² Полярная звезда, Лондон, 1856, кн. 2, стр. 22—23; Русская библиотека, Лондон, 1858, т. I, стр. 22—24.

³ См.: П. Е. Щеголев. И. А. Гончаров — цензор Пушкина. — В кн.: П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. Изд. 3-е. М.—Л., ГИХЛ, 1931, стр. 366 и 363.

в «Библиографических записках» среди других стихотворений Пушкина, по цензурным соображениям не вошедших в анненковское издание.⁴ Снова, как и при жизни Пушкина, московская цензура пропустила оду в печать, и снова это вызвало неудовольствие в Петербурге. В заключении министра народного просвещения Е. П. Ковалевского подчеркивалось, что произведения Пушкина, перепечатанные «Библиографическими записками», содержанием своим «прямо указывают причину недопущения их к печати до настоящего времени», а многие из них (и «На выздоровление Лукулла» в частности) «содержат в себе оскорбительные личности и применения, известные современникам».⁵

Потребовалось еще более десяти лет, чтобы сатира «На выздоровление Лукулла» могла войти в собрание сочинений Пушкина. Таким собранием сочинений оказалось второе издание под редакцией Г. Н. Геннади.⁶ В примечаниях, сопровождавших перепечатки сатиры, постепенно накапливался материал для будущего исследования. Стихотворение заняло свое место и в общих работах, посвященных лирике Пушкина. Впрочем, его изучение началось еще в 1850-х годах, в пору его «подпольной» жизни, — с обследования фактической основы, из которой возник пушкинский замысел.⁷

П. И. Бартенев первым обратился к истории текста оды, частично опубликовав варианты черновой рукописи — единственного уцелевшего автографа.⁸ Через три года В. Е. Якушкин дал суммарное описание этой рукописи,⁹ после чего текстологическое изучение оды надолго прервалось.

В 1880—1908 гг. одно за другим публикуются мемуарные свидетельства, проливающие свет на историю создания, публикации оды-сатиры и восприятия ее современниками.¹⁰ К 1911 г.

⁴ Библиографические записки, 1858, № 12, стлб. 367—368.

⁵ См.: С. А. Переселенков. Материалы для истории отношений цензуры к А. С. Пушкину. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. VI. СПб., 1908, стр. 42—43.

⁶ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. I. СПб., 1870, стр. 548—550. Однако еще в 1880 г. включение оды в сочинения Пушкина под редакцией П. А. Ефремова воспринималось как новация, см.: Молва, 1880, № 346.

⁷ Летописи Гос. Литературного музея, кн. I. М., 1936, стр. 534—535. Здесь М. А. Цявловский опубликовал записанный П. И. Бартеневым рассказ Ф. Ф. Вигеля с дополнениями С. А. Соболевского.

⁸ П. И. Бартенев. Из рукописей Пушкина. — Русский архив, 1881, кн. III, вып. 2, стр. 472.

⁹ В. Е. Якушкин. Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве. — Русская старина, 1884, № 12, стр. 526.

¹⁰ Ф. М. Деларю. М. Д. Деларю и А. С. Пушкин. — Русская старина, 1880, № 9, стр. 217—220; Н. И. Куликов. А. С. Пушкин и П. В. Нащокин. — Там же, 1881, № 8, стр. 599—622; А. М. Языков. Из письма к В. Д. Комовскому от 22 января 1836 г. — Исторический вестник, 1883, № 12, стр. 540; Записки Н. Н. Мурзакевича. — Русская старина, 1887, № 1, стр. 43; Дневник А. В. Никитенко, 1836. — Там же,

достоянием читателя становятся письма Пушкина, связанные с «Лукуллом».¹¹ Итогом дореволюционного изучения оды можно считать статью Н. О. Лернера в издании под редакцией С. А. Венгерова.¹²

В советский период С. М. Бонди,¹³ а вслед за ним Н. В. Измайлов впервые полностью прочли сложнейший черновик оды (III, 404—405, 1015—1019). С. М. Бонди отделил от черновика стихотворения предшествующий ему в автографе набросок «Развратник радуясь клеветет» и отвел все возможные мотивы, по которым Бартенева, Якушкин и Брюсов¹⁴ ошибочно включали его в текст. В трудах М. М. Покровского, Л. В. Пумпянского, В. В. Виноградова, Г. А. Гуковского, Б. В. Томашевского, Б. П. Городецкого, М. П. Алексеева и других намечены основные аспекты историко-литературного изучения «Лукулла»: связь оды с античной традицией, с традицией русской литературы XVIII в., ее место в истории русской стихотворной сатиры, в биографии и творческом развитии поэта, анализ ее стиля, языка и строфической композиции, вызванный ею общественный резонанс.¹⁵ Большое значение

1889, № 9, стр. 536—537 и сл.; П. А. Вяземский. Письма к А. И. Тургеневу. — Остафьевский архив, т. III. СПб., 1899, стр. 277, 296; Записки сенатора К. И. Фишера. — Исторический вестник, 1908, № 1, стр. 49—50.

¹¹ В 1864 г. была опубликована переписка Пушкина с кн. Н. Г. Репниным (Русский архив, 1864, стлб. 1081—1083); в 1880 г. — письмо поэта к А. Жобару (Русская старина, 1880, № 7, стр. 563). Гораздо позднее, лишь в академическом издании переписки Пушкина под редакцией В. И. Саитова, было напечатано (хотя и с большими неточностями) важнейшее из писем поэта, связанных с его сатирой на Уварова, — письмо к А. Х. Бенкендорфу, написанное между 16 и 20 января 1836 г. (А. С. Пушкин. Переписка, т. III. СПб., Изд. Акад. наук, 1911, стр. 471—472).

¹² Пушкин. «Сочинения». Под ред. С. А. Венгерова. Т. VI. Пгр., 1915, стр. 480—484.

¹³ См. статью С. М. Бонди в настоящем сборнике, стр. 391—395.

¹⁴ См.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Под ред. В. Я. Брюсова. Т. I, ч. 1. М., ГИЗ, 1919, стр. 370. Не обращаясь к рукописи, Брюсов привел здесь лишь те варианты чернового текста, которые были в 1881 г. напечатаны Бартеневым.

¹⁵ См.: М. М. Покровский. Пушкин и античность. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 4—5. М.—Л., Изд. АН СССР, 1939, стр. 32; Л. В. Пумпянский. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века. — Там же, стр. 119; В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. М., Гослитиздат, 1944, стр. 510—512; Г. А. Гуковский. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., Гослитиздат, 1957, стр. 118—119; Б. В. Томашевский. 1) Вопросы языка в творчестве Пушкина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 177—181; 2) Строфика Пушкина. — Там же, т. II, 1958, стр. 91; Б. П. Городецкий. Лирика Пушкина. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 340—342; М. П. Алексеев. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...». (Проблемы его изучения). Л., «Наука», 1967, стр. 115—116. Среди публикаций материалов, освещающих восприятие оды, см. отзывы А. А. Краевского и А. В. Веневитинова (Литературное наследство, т. 16—18, М., 1934, стр. 716), А. И. Тургенева (там же, т. 58, М., 1952, стр. 120, 123), рассказ Н. А. Муханова в передаче Ал. Н. Карамзина

для понимания оды имеет начатая в советской историографии разработка политической биографии Уварова.¹⁶

2

Сатира и эпиграмма — редкие гости в поэтическом творчестве позднего Пушкина. Поэт, не забывший о «мрачных» и «печальных» бурях своей молодости, дорожил «минутным», хотя и призрачным, покоем (III, 329—330). И вот в 1835 г. он не только написал, но и напечатал памфлет, направленный против Уварова. Это было уже не просто печатное выступление, это был поступок, открывший собой новую, последнюю страницу жизни и творчества Пушкина.

Поэтическая сатира вошла в сферу интересов Пушкина еще в лицейские годы. В 1834 г. он писал о Дельвиге, что тот «Горация изучил в классе под руководством профессора Кошанского» (XI, 273). Что Кошанский не обошел стороной сатиры Горация и других латинских авторов, видно из стихотворений Пушкина 1814—1816 гг. Еще раньше ему стали известны сатиры Буало, Вольтера, сочинения русских поэтов-сатириков XVIII в., в том числе Кантемира и Державина.

Из ранних стихотворений Пушкина ясно и то, что уже в это время определился его взгляд на Ювенала, с именем которого для него связывается представление о подлинной сатире — жалащей, разящей порок. В стихотворении «К другу стихотворцу» (1814) современный сатирик предстает «как новый Ювенал» (I, 27), в послании «К Батюшкову» (1814) Пушкин призывает поэта:

... вдохновенный Ювеналом,
Вооружись сатиры жалом,
.....
Рази, осмеивай порок.
(I, 74)

С тем же значением имя Ювенала упомянуто в стихотворении «Лицинию» (в редакции 1815 г. рядом с Ювеналом стоит второе интересное для нас имя — Петрония, устраненное при обработке стихотворения в 1818—1819 гг.) и в послании 1816 г. «Дяде, назвавшему сочинителя братом».

Первый законченный образец поэтической сатиры Пушкина — послание «Лицинию». Для нас оно особенно важно: здесь, как и

(Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.—Л., Изд. АН СССР, 1960, стр. 96), воспоминания А. Я. Булгакова (В. Э. Вацуро и М. И. Гиллельсон. Сквозь «умственные плотины». М., «Книга», 1972, стр. 187—188). Сведения по истории рода и состояния Шереметевых вошли в работы В. К. Станюковича: 1) Фонтанный дом Шереметевых. Путеводитель. Пб., 1923; 2) Бюджет Шереметевых (1798—1910). М., 1923.

¹⁶ В. В. Пугачев. К вопросу о политических взглядах С. С. Уварова в 1810-е годы. — Ученые записки Горьковского университета, серия историко-филологическая, вып. 72, т. I, 1964, стр. 125—132.

в оде «На выздоровление Лукулла», сатира на современные нравы облечена в форму сатиры на римское общество. И примечательно, что в первой публикации это вполне оригинальное стихотворение Пушкина имело сходный подзаголовок — «С латинского».

Тем не менее послание «Лицинию» по своему поэтическому строю существенно отличается от оды «На выздоровление Лукулла». Философско-политическая концепция юношеского стихотворения связана с идеями просветителей XVIII в., в частности со взглядами Монтескье, выраженными в его знаменитом сочинении «Рассуждение о причинах величия и падения Рима».¹⁷ Величие древнего Рима Пушкин непосредственно связывает с политической свободой, а его упадок, торжество «разврата» и всеобщей продажности — с утратой свободы и развитием рабства. Стихотворение построено на антитезе свободы и рабства. Этой антитезой, а не реальными историческими чертами нравов Рима императорской эпохи (или пушкинской современности) определен характер картины римского общества. Краски ее скорее восходят к классической трагедии XVII—XVIII вв., чем непосредственно к римской сатире или историографии. Общественные нравы представлены как прямое производное от политического строя. Именно обобщенностью основных образов стихотворения, а не их бытовой и исторической конкретностью достигались его злободневность, его связь с современной борьбой против «рабства». Написанное в жанре послания, стихотворение по внешней (александрийский стих) и внутренней форме близко к монологу высокой трагедии, с характерным для нее патетическим стилем и афористическими сентенциями.

Для наших целей важно отметить еще две особенности стихотворения «Лицинию». Эта сатира не имеет в виду какое-либо отдельное лицо или определенное конкретное событие. И притом от начала до конца она выдержана в «высоком» стиле, в ней нет ни «бытовой» прозы, ни той насмешки, в которой Пушкин-лицеист видел одно из возможных орудий сатиры («Шутя показывай смешное» — I, 74).

Оба эти элемента, отсутствовавшие в послании «Лицинию», становятся обязательными признаками пушкинской эпиграммы, первые образцы которой также относятся к ранним лицейским годам. Вначале Пушкин, захваченный острой литературной борьбой 1810-х годов, обращает свое перо против литературных староверов. Но постепенно круг предметов и лиц, затрагиваемых в его эпиграммах, становится все шире: в них проникает дух живой общественно-политической сатиры. Именно из эпиграмм, как нам представляется, выросла впоследствии пушкинская ода «На выздоровление Лукулла».

¹⁷ См.: Д. П. Якубович. Античность в творчестве Пушкина. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 6. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 123—124.

В 1820 г. ссыльный поэт узнал, что граф Ф. И. Толстой, с которым расстался он «приятелем» (XIII, 43), пустил в ход сплетню, будто его высекли в тайной канцелярии. Пушкин ответил Толстому злой эпиграммой, которую в измененном виде воспроизвел в своем послании «Чаадаеву» (1821), где упомянул

... философа, который в прежни лета
Развратом изумил четыре части света,
Но просветив себя, загладил свой позор:
Отвыкнул от вина и стал картежный вор.
(II, 188)

Когда послание было напечатано, за Толстого вступился П. А. Вяземский: в письме к поэту он порицал его за «уголовный» характер обвинений по адресу «Американца». Отвечая своему оппоненту, Пушкин не только объяснил причины, заставившие его поступить так, а не иначе, но и изложил свой взгляд на права и задачи сатиры. Он писал: «... мое намерение было не заводить остроумную литературную войну, но резкой обидой отплатить за тайные обиды человека, с которым расстался я приятелем <...> я узнал обо всем, будучи уже сослан, и, почитая мщение одной из первых христианских добродетелей — в бессилии своего бешенства закидал издали Толстого журнальной грязью. Уголовное обвинение, по твоим словам, выходит из пределов поэзии; я не согласен. Куда не достягает меч законов, туда достает бич сатиры. Горацианская сатира, тонкая, легкая и веселая не устоит против угрюмой злости тяжелого пасквиля. Сам Вольтер это чувствовал» (XIII, 43). Хотя эти строки написаны более чем за тринадцать лет до оды «На выздоровление Лукулла», их можно рассматривать как своего рода автокомментарий к ней. В эпиграммах Пушкина вырабатываются приемы поэтической сатиры на определенное, известное обществу лицо, которое, не будучи названо, сразу же должно быть узнано читателем.

Другая интересная черта пушкинской эпиграммы — ее новеллистическое построение. Почти все лицейские эпиграммы Пушкина «построены на простой игре слов и традиционных комических положений, — справедливо писал Б. В. Томашевский, характеризуя эволюцию жанра эпиграммы в поэзии Пушкина. — Позднее, около 1825 г. <...> Пушкин меняет свою эпиграмматическую манеру. Вместо коротких эпиграмм, построенных на одном остром слове, Пушкин пишет развитые эпиграммы, содержащие краткое повествование, в которых остроумие заключается в самом рассказе и комическом тоне. Таковы его эпиграммы типа анекдотов 1825 г. («Движение», «Совет»); таковы же литературные эпиграммы против Каченовского, Надеждина и Булгарина 1829—1830 г.»¹⁸ Не случайно в черновиках «Отрывков из

¹⁸ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 6. Путеводитель по Пушкину. М.—Л., ГИЗ, 1931, стр. 388.

писем, мыслей и замечаний» (не позднее 1827 г.) Пушкин отличает от антологической эпиграммы и эпиграммы, построенной на острологии, эпиграмму «маротическую, в которой сжимается живой рассказ» (XI, 61).¹⁹ Это о ней поэт писал в статье «Баратынский» (1830): «Улыбнувшись ей как острому слову, мы с наслаждением перечитываем ее как произведение искусства» (XI, 186).

Отмеченные черты пушкинской эпиграммы перешли из нее в оду «На выздоровление Лукулла».

3

Смысловый центр оды «На выздоровление Лукулла» — портрет Уварова, в белых, но необычайно емких и выразительных чертах воссоздающий его нравственный облик. И воссоздающий настолько точно, что называть имя министра было просто излишним. По представлениям современного Пушкину общества и определению, данному самим поэтом несколькими годами ранее и по другому поводу, его стихотворение было «пасквилем безыменным, но явно направленным» (XI, 168). Но хотя Пушкин, как мы увидим ниже, написал свою оду из соображений личной мести (что, казалось бы, усиливает ее сходство с пасквилем), в ней есть и нечто иное, превращающее ее в сатиру высоко принципиального звучания. Общественно-политический смысл оды «На выздоровление Лукулла» открылся уже наиболее прощупательным из современников поэта.

Прежде всего о нравственном облике человека, обрисованного пером сатирика.

В глазах поэта Сергей Семенович Уваров (1786—1855) был одним из характерных представителей той новой аристократии, которая в XVIII—начале XIX в. все более входила в силу, отесняя от управления страной независимых потомков старых, исторических фамилий. Мать Уварова, происходившая из древнего и богатого рода Головиных, вышла замуж за «бедного рядового дворянина» С. Ф. Уварова, который пользовался покровительством Г. А. Потемкина и одно время был флигель-адъютантом и фаворитом Екатерины II. За веселый нрав и любовь к бандуре он был прозван Сеней-бандуристом.²⁰

Близкое родство с канцлером А. Б. Куракиным, женатым на единственной сестре его матери, способствовало первым успехам Уварова на дипломатическом поприще. В 1801 г., пятнадцати лет от роду, он был зачислен в иностранную коллегию, через три года

¹⁹ Об эпиграммах К. Маро и о маротическом стиле во французской поэзии XVIII в. см.: Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. Л., «Сов. писатель», 1960, стр. 100—101.

²⁰ См.: Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. IV. М., 1892, стр. 169.

получил звание камер-юнкера. В 1806 г. Уваров был причислен к русскому посольству в Вене,²¹ а в 1809 г. назначен секретарем русского посольства в Париже. Расстроенные дела вызвали его в Россию, где он безуспешно пытался спасти свое состояние, продолжая начатые матерью операции по откупам.²² Накануне полного разорения Уваров неожиданно для всех был объявлен женихом дочери министра народного просвещения гр. А. К. Разумовского, Екатерины Алексеевны (1781—1849). Она была на пять с лишним лет старше своего будущего мужа, но принесла ему в приданое «на 100 тысяч рублей бриллиантов, на 100 тысяч рублей земель и 6000 крестьян».²³ Еще до свадьбы, 31 декабря 1810 г., Уваров по протекции Разумовского был сделан действительным статским советником и попечителем Петербургского учебного округа. Его внезапная карьера смутила и заставила задуматься даже его ближайших друзей.²⁴

В 1810 г. Уваров выступил с проектом создания в России Азиатской академии. Труды, посвященные греческим древностям, создали ему репутацию филолога-эллиниста. Особое значение имели выступления Уварова в защиту русского гекзаметра в 1813—1815 гг.²⁵ и изданная им брошюра «О греческой антологии» (1820) с переводами К. Н. Батюшкова. С 1818 г. он президент Академии наук. Еще раньше, в 1808 г., Уваров — один из «самых коротких знакомых»²⁶ А. И. Тургенева; в начале 1811 г. завязалось его знакомство с В. А. Жуковским. 14 октября 1815 г. в доме Уварова состоялось первое, организационное заседание «Арзамаса», в числе основателей которого был и он сам.

Умный и ловкий Уваров умел расположить к себе самых различных людей. Он переписывался с бароном Ф.-К. Штейном, Гете, Фр. Шлегелем, пользовался доверием М. М. Сперанского. Отзывы современников характеризуют Уварова как человека одаренного, многосторонне образованного и в то же время подчеркивают его тщеславие, карьеризм, способность к низким и нечистым поступкам.²⁷ Эти последние стороны личности Уварова отчетливо проявились после того, как в начале 1820-х годов,

²¹ Русский архив, 1893, № 10, стр. 244; № 11, стр. 292, 295, 298.

²² Письма Александра Тургенева Булгаковым, М., Соцэкгиз, 1939, стр. 93, 98, 101 и сл.

²³ Русский архив, 1899, № 10, стр. 186.

²⁴ Письма Александра Тургенева Булгаковым, стр. 117.

²⁵ А. Н. Егуннов. Гомер в русских переводах. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 175—176.

²⁶ Письма Александра Тургенева Булгаковым, стр. 82.

²⁷ Эти отзывы собраны Б. Л. Модзалевским (Дневник А. С. Пушкина. Под ред. Б. Л. Модзалевского. М.—Пгр., ГИЗ, 1923, стр. 145—146) и М. Н. Сперанским (Дневник А. С. Пушкина. Комм. В. Ф. Саводника и М. Н. Сперанского. М.—Пгр., ГИЗ, 1923, стр. 358—362). См. также: С. Дурылин. Г-жа де Сталь и ее русские отношения. — Литературное наследство, т. 33—34, М., Изд. АН СССР, 1939, стр. 225—232.

в условиях крайней правительственной реакции, его карьера пошатнулась. В июле 1821 г. в результате нападков Д. П. Рунича, возглавившего разгром Петербургского университета, Уваров вынужден был оставить место попечителя петербургского учебного округа и лишь через год получил назначение на пост директора департамента мануфактур и внутренней торговли, банков заемного и коммерческого. О способах, к которым прибегал Уваров, добываясь расположения нового своего начальства, Ф. Ф. Вигель рассказывает П. И. Бартеневу: «Он заискивал расположение Канкрина, ласкал детей его и до того часто ходил к ним в детскую и осведомлялся о здоровье, что его считали как будто за лекаря и дети показывали ему язык».²⁸ О том же сообщал П. А. Вяземскому и А. И. Тургенев, некогда считавший, что его и Уварова связывает общность судьбы, «круговая порука».²⁹ Теперь же, в 1824 г., Тургенев писал: «Сергей Уваров впутался не в свое дело и отдал императрице экземпляр „Фонтана“ (т. е. поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан», — Н. П.) прежде Карамзина и все испортил. Сидел бы за своим сукном. Он перещеголял Козодавлева и на счету ему подобных в гублике, если не хуже. Всех кормилиц у Канкриной знает и детям дает кашку».³⁰

Начало нового царствования было и началом новой полосы в карьере Уварова. В 1826 г. он сделан сенатором, что явилось знаком почетной отставки. Несколько лет этот тонкий и осмотрительный политик выжидал и наконец в 1831 г., когда проекты комиссии 6 декабря, рассчитанные на реформирование института крепостного права и так радостно встреченные Пушкиными (XIV, 69), были сочтены преждевременными, напомнил о себе запиской «О личной крепостной зависимости в России», составленной с охранительных позиций. В апреле 1832 г. Уваров был при поддержке Бенкендорфа назначен товарищем министра народного просвещения, в марте 1833 г. — управляющим этим министерством, а в апреле 1834 г. — министром. С этого момента он все более входит в силу у Николая I. Середина 1830-х годов — время зенита уваровской карьеры, торжества его жизненной политики. И вдруг это торжество было нарушено дерзким выпадом Пушкина. Что толкнуло поэта на столь решительный шаг?

Судя по крайне неполным и отрывочным свидетельствам, которыми мы сейчас располагаем, в 1831 г., вскоре после переезда Пушкина в Петербург, Уваров, приняв вид покровителя и ценителя его таланта, пытался приобрести доверие поэта и воспользоваться им в своей политической игре. При посредстве Ф. Ф. Вигеля Уваров предложил Пушкину поддержать перед Бенкендорфом его проект издания газеты и обещал поэту «пер-

²⁸ Летопись Гос. Литературного музея, кн. I, стр. 535.

²⁹ Письма Александра Тургенева Булгаковым, стр. 93.

³⁰ Остафьевский архив, т. III. СПб., 1899, стр. 33.

вое свободное кресло» в Российской академии. Единственным условием этой поддержки ставилось письмо Пушкина к Уварову с просьбой его принять. Но Уваров не учел, что Пушкин давно понял цену «великодушного покровительства просвещенного вельможи», которое «порабощает и унижает» (XIII, 50 и 96; ср. XIII, 95 и 179; XIV, 54—55). К тому же Вигель был ненадежным посредником: он не только выполнил поручение Уварова, но и с присущей ему язвительностью выболтал Пушкину планы своего поручителя (XIV, 202).

Молчание Пушкина не остановило Уварова. В октябре того же года он (теперь уже через кн. М. А. Дондукова-Корсакова) послал поэту свой вольный французский перевод оды «Клеветникам России», вместе с комплиментарным письмом, в котором выразил восхищение «прекрасными, истинно народными стихами» Пушкина (XIV, 232). Одновременно Уваров препроводил свой перевод Бенкендорфу, предлагая воспользоваться им в соответствии с видами правительства и рассчитывая, что перевод будет поднесен Николаю I. Французские стихи Уварова представляли собой официальную интерпретацию пушкинской оды. Поэтом ответ Пушкина был полон скрытой иронии. Назвав перевод «гениальной фантазией» на тему его оды, поэт благодарил «за полноту мыслей, великодушно <...> присвоенных» ему переводчиком (XIV, 236).³¹

Несмотря на предложение Уварова, хлопоты о замышлявшейся Пушкиным газете велись в 1832 г. через другого арзамасца — Д. Н. Блудова. Газету разрешили через Министерство внутренних дел, и это «уязвило» Уварова, только что ставшего товарищем министра народного просвещения.³²

Тем не менее до конца 1834 г. отношения между ним и Пушкиным оставались светски любезными. 27 сентября 1832 г. Пушкин по приглашению Уварова посетил вместе с ним Московский университет, где министр в лестных выражениях представил поэта студентам.³³ 3 декабря 1832 г. Пушкин был избран в подведомственную Уварову Российскую академию. Из дневника поэта видно, что в 1834 г. Пушкины бывали на вечерах в доме Уварова (XII, 325). В мае 1834 г. поэт считал возможным лично ходатайствовать перед Уваровым за Н. В. Гоголя, просившего о назначении в Киевский университет (XV, 146—147).

Такова внешняя сторона отношений между Пушкиным и Уваровым до 1835 г. Однако мирными они выглядели лишь на по-

³¹ См.: П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. Изд. 3-е. М.—Л., ГИХЛ, 1931, стр. 352—357.

³² См.: Н. А. Муханов. Из дневника. Запись от 7 июля 1832 г.—Русский архив, 1897, № 4, стр. 657.

³³ См.: И. А. Гончаров. Воспоминания. — В кн.: И. А. Гончаров. Собрание сочинений, т. 7. М., Гослитиздат, 1954, стр. 207—208; Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина. Пб., 1910, стр. 270.

верхности. Получив с помощью Бенкендорфа министерский портфель, Уваров вступил с шефом жандармов в борьбу за разграничение сфер влияния, и в частности за власть над цензурой. В апреле 1834 г. Пушкин представил поэму «Анджело» не в III отделение, а в обыкновенную цензуру. По распоряжению Уварова в ней были произведены цензурные изъятия, и это стало известно Пушкину.³⁴

Бешенство Уварова вызвала вышедшая в самом конце 1834 г. «История Пугачева». Труд Пушкина был воспринят им как «возмутительное сочинение»,³⁵ а разрешение его Николаем I побудило министра усилить борьбу за подчинение поэта общей цензуре. В конце февраля 1835 г. в связи с нападками Уварова на «Историю Пугачева» и цензурными притеснениями Дондукова-Корсакова Пушкин записывает в дневнике: «Уваров большой подлец <...> Его клевет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня своим ценсурным комитетом. Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псарь не любит». И далее набрасывает характеристiku Уварова, превосходящую сатирические строфы оды «На выздоровление Лукулла»: «...это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен. Низость до того доходит, что он у детей Канкринна был на посылках. Об нем сказали, что он начал тем, что был б..., потом нянькой, и попал в президенты Академии наук, как княгиня Дашкова в президенты Российской академии. Он крал казенные дрова и до сих пор на нем есть счеты (у него 11 000 душ), казенных слесарей употреблял в собственную работу etc. etc. Дашков (министр), который прежде был с ним приятель, встретил Жуковского под руку с Уваровым, отвел его в сторону, говоря: как тебе не стыдно гулять публично с таким человеком!» (XII, 337).

В течение всего 1835 г. разворачивается борьба между Пушкиным, с одной стороны, и Уваровым и Дондуковым — с другой, связанная с цензурованием сочинений поэта. Гнев Пушкина излился в эпиграмме «В Академии наук», поводом для которой послужило назначение кн. М. А. Дондукова-Корсакова вице-президентом Академии наук.

Ни для кого не являлось секретом, что Дондуков был обязан своей новой должностью не научным заслугам, а «античным» вкусам Уварова.³⁶ Став министром народного просвещения, Уваров сделал Дондукова попечителем Петербургского учебного

³⁴ А. В. Никитенко. Дневник, т. I. Л., Гослитиздат, 1955, стр. 140—141.

³⁵ См.: Н. Н. Петрунина. Вокруг «Истории Пугачева». — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. VI. Л., «Наука», 1969, стр. 233—234.

³⁶ Свидетельство Н. В. Кукольника в его рукописном сборнике «Анекдоты», см.: Пушкин и его современники, вып. XXXVIII—XXXIX. Л., Изд. АН СССР, 1930, стр. 211.

округа и председателем Петербургского цензурного комитета, а затем — 7 марта 1835 г. — вице-президентом Академии (президентом ее был он сам). «Куда один, туда и другой», — писал по этому поводу Пушкин (XVI, 22). О том же в более стирвенной форме сказал он и в своей эпиграмме. Что она направлена в равной мере и против Уварова, и против Дондукова-Корсакова, мы знаем со слов самого Пушкина, сохраненных А. А. Краевским,³⁷ и для современников это было вполне ясно.³⁸

Если приведенная выше дневниковая запись Пушкина от конца февраля 1835 г. — первое документальное свидетельство перелома, происшедшего в отношениях Пушкина и Уварова, то эпиграмма «В Академии наук» показывает, что наступил момент, когда поэту стало недостаточно апелляции к потомству на страницах дневника: он попытался расправиться с Уваровым, не откладывая дела в долгий ящик. Именно с Уваровым, ибо в Дондукове-Корсакове Пушкин видел прежде всего «паяса» Уварова, его вторую ипостась. Эпиграмма Пушкина ходила в списках, и свое авторство он, как мы увидим далее, на первых порах тщательно скрывал.³⁹ Однако ее создание и распространение были со стороны поэта шагом, который и внутренне, психологически,

³⁷ По рассказу Краевского, 29 декабря 1836 г. Пушкин пригласил его на традиционное годовое собрание Академии наук со словами: «Посмотрите, как президент и вице-президент будут торчать на моей эпиграмме» (Русский архив, 1892, № 8, стр. 490). Уварова на заседании не оказалось, председательствовал Дондуков. «Ведь вот сидит довольный и веселый, — шепнул Пушкин Краевскому, мотнув головой по направлению к Дондукову, — а ведь сидит-то на моей эпиграмме! Ничего, не больно, не вертится» (Русская старина, 1880, № 9, стр. 220).

³⁸ Со временем истинный смысл эпиграммы утратился: в ней стали видеть сатирический отклик лишь на не заслуженное Дондуковым назначение, бросавшее тень на самую Академию наук. Отзвуком такого истолкования явился, в частности, заголовок «Князю Дондукову», под которым стихотворение впервые появилось в печати (см.: Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин, 1861, стр. 101; Русская поэтаинная литература. Лондон, 1861, стр. 86). Этот заголовок, снятый в большинстве авторитетных изданий, начиная с собрания сочинений Пушкина под ред. П. А. Ефремова (1880), без достаточных оснований восстановлен в академическом издании (III, 388; в редакции: «На Дондукова-Корсакова»). Согласно с традицией интерпретировал эпиграмму Н. О. Лернер (см.: Пушкин. «Сочинения». Под ред. С. А. Венгерова. Т. VI. Пгр., 1915, стр. 488—489). Потребовалось привлечение ряда печатных и рукописных источников, чтобы доказать, что она направлена вовсе не против Академии, а против Уварова и Дондукова-Корсакова — главы Академии и его клеветы (см.: Л. К. Ильинский. Из мелочей пушкинского комментария. Эпиграмма «В Академии наук». — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXXVIII—XXXIX. Л., Изд. АН СССР, 1930, стр. 205—212).

³⁹ Некоторые современники приписывали эпиграмму Соболевскому (см.: Л. К. Ильинский. Из мелочей пушкинского комментария, стр. 207 и 211). Учитывая последнее свидетельство Соболевского (см.: Летописи Гос. Литературного музея, кн. I, стр. 534), можно предположить, что он не отрицал своего авторства по просьбе Пушкина.

и как попытка привлечь внимание общества к нравственному облику Уварова, подготавливал оду «На выздоровление Лукулла». Тем самым для истории взаимоотношений Пушкина и Уварова в 1835 г. далеко не безразлично, когда именно была написана эпиграмма.

Четверостишие было записано в рабочей тетради на обороте листа, лицевая сторона которого занята была автографом «Тучи».⁴⁰ Авторская датировка «Тучи» (13 апреля) привлекает внимание к апрелю 1835 г. и, по-видимому, привлекает не случайно. В письме Пушкина к И. И. Дмитриеву от 26 апреля 1835 г. читаем: «На академии наши нашел черный год: едва в Российской почил Соколов, как в Академии наук явился вице-президентом Дондуков-Корсаков. Уваров фокусник, а Дондуков его паяс <...> один кувыркается на канате, а другой под ним на полу» (XVI, 22). Переключка этого отрывка с эпиграммой «В Академии наук» очевидна. Почему же в конце апреля, через полтора месяца после назначения Дондукова-Корсакова, Пушкин с такой злостью вспоминал о нем?

Давно указывалось на связь появления эпиграммы «В Академии наук» с цензурными притеснениями, которым подвергали поэта Уваров и Дондуков-Корсаков. Л. К. Ильинский вспоминал и о том, что весной 1835 г. Пушкин, возвращаясь к проекту издания политической газеты, вынужден был искать у Бенкендорфа защиты от них: «Я имел несчастье навлечь на себя неприязнь г. министра народного просвещения, так же как князя Дондукова, урожденного Корсакова. Оба уже дали мне ее почувствовать довольно неприятным образом», — писал поэт в черновике (XVI,

⁴⁰ Краевский рассказывал П. И. Бартеневу, что однажды, перед отъездом в Москву, он посетил Пушкина и «напомнил ему его обещание дать стихотворение „Московскому наблюдателю“». Пушкин достал свою тетрадь, вырвал из нее листок и подал его Краевскому. Это были стихи „Последняя гуча рассеянной бури“. Прочитав его и складывая, чтобы положить в карман, Краевский видит на обороте листка еще небольшие стихи; но только что он прочел первый стих: „В Академии наук...“, Пушкин мгновенно вырвал у него листок, переписал посылаемые „Московскому наблюдателю“ стихи на отдельной бумаге, отдал Краевскому, а первый листок спрятал. Краевский помнил, что в последнем стихе было: „Оттого, что есть чем сесть“» (Русский архив, 1892, № 8, стр. 489—490). Известный ныне автограф «Тучи» (ПД, № 975) — беловик, писанный торопливым почерком, с поправкой, внесенной Краевским 18 июня 1835 г., на следующий день после описанной встречи, по просьбе Пушкина (XVI, 36), — подтверждает рассказ Краевского. Что же касается листа из рабочей тетради поэта с автографом «Тучи» и «В Академии наук», то можно думать, что именно он был в руках у П. В. Анненкова, почерпнувшего из неизвестного ныне автографа дату написания «Тучи» (Сочинения Пушкина. Изд. П. В. Анненкова. Т. III. СПб., 1855, стр. 61). В июне 1835 г. Пушкин настолько мало был знаком с Краевским, что даже не знал его имени и отчества. Таким образом, автограф эпиграммы, авторство которой у Пушкина были все основания держать в тайне, едва не оказался в руках человека почти незнакомого.

29). Отсутствие под текстом письма даты помешало однако Ильинскому определить характер связи между этим письмом и интересующей нас эпиграммой. Он считал, что именно эпиграмма была поводом для неприязненного отношения Уварова и Дондукова к Пушкину.⁴¹ В последнее время установлено, что цитированное письмо Пушкина к Бенкендорфу написано около (не позднее) 11 апреля 1835 г. и не было ни перебелено, ни отправлено потому, что затронутые в нем вопросы Пушкин решил обсудить при личном свидании с Бенкендорфом, которого он просил 11 апреля (XVI, 18) и которое состоялось 16 апреля 1835 г. (XVI, 19).⁴² По-видимому, беседа с Бенкендорфом, в ходе которой Пушкин убедился, что шеф жандармов не может оградить его от притязаний Уварова и Дондукова, усилила его раздражение, нашедшее себе выход в эпиграмме «В Академии наук».⁴³

Напомним, что в 1823 г. противникам тогдашнего министра народного просвещения А. Н. Голицына удалось поколебать его положение, раскрыв Александру I глаза на то, что этот «просвещения губитель» — мужеложец. В тогдашней своей эпиграмме, написанной в ссылке и, по-видимому, уже после удаления Голицына с поста министра, Пушкин откликнулся на борьбу, предшествовавшую этому событию, и в том числе с веселым озорством приветствовал нападение на министра «сзади», где «всего слабее он» (II, 127).⁴⁴ И может быть, в 1835 г. автор эпиграммы «В Академии наук» втайне надеялся, что нанесенный им удар «сзади» не пройдет для Уварова бесследно.

4

Такова вкратце предыстория оды «На выздоровление Лукулла». Что же послужило непосредственным толчком к ее созданию?

Осенью 1835 г., в то время как Пушкин находился в Михайловском, в Петербурге стало известно, что в своем воронежском имении тяжело заболел граф Дмитрий Николаевич Шереметев (1803—1871). Правнук одного из «птенцов гнезда Петрова», фельдмаршала Б. П. Шереметева, он был потомком старого дво-

⁴¹ Л. К. Ильинский. Из мелочей пушкинского комментария, стр. 207 и 209.

⁴² Пушкин. Письма последних лет. Л., «Наука», 1969, стр. 258 (комментарий Я. Л. Левкович).

⁴³ К сходным соображениям о времени и обстоятельствах возникновения эпиграммы независимо от нас пришел В. Э. Вацуро (см.: В. Э. Вацуро и М. И. Гиллельсон. Сквозь «умственные плотины», стр. 181—182).

⁴⁴ См. об этом: Т. Г. Цявловская. «Муза пламенной сатиры». — В кн.: Пушкин на юге. Труды Пушкинской конференции Одессы и Кишинева, т. 2. Кишинев, 1961, стр. 175—180.

рянского рода, известного с XIV в., и владельцем крупнейшего состояния в России.⁴⁵ При вступлении в совершеннолетие в его руках оказался капитал в три с половиной миллиона рублей, 210 000 крепостных и до 600 000 десятин земли,⁴⁶ в том числе знаменитые в истории русской культуры подмосковные имения Кусково и Останкино, построенный И. Е. Старовым и Д. Кваренги Фонтанный дом в Петербурге и т. д. Это состояние, образовавшееся в результате слияния в XVIII в. богатств Шереметевых и канцлера Б. А. Черкасского — второго прадеда Д. Н. Шереметева, существовало не дробясь до 1871 г.

По свидетельству сына Шереметева, Пушкин, бывая в среде кавалергардов, встречался с его отцом.⁴⁷ В Фонтанном доме Шереметева поэт позировал О. Кипренскому, жившему здесь до своего последнего отъезда в Италию.⁴⁸ Но знакомство Пушкина с Шереметевым, с которым с 1834 г. он встречался также и при дворе, было исключительно светским. Упоминание о нем в письме поэта к жене от 21 октября 1833 г. (XV, 87) ничем не отличается от упоминания об отце его, Н. П. Шереметеве, в «Русском Пелаге» (VIII, 416): в том и в другом случае речь идет не о конкретных представителях фамилии Шереметевых, а об их богатстве.

В отличие от своего знаменитого прадеда Д. Н. Шереметев не играл в обществе заметной роли. Современники рисуют его человеком довольно заурядным и апатичным.⁴⁹ Единственной страстью графа была музыка. Он был владельцем великолепного духовного хора, которым управляли композиторы и лучшие режиссеры своего времени С. А. Дегтярев и Г. Я. Ломакин.

Осенью 1835 г. Д. Н. Шереметев еще не был женат. И вот, когда пронесся ложный слух о его смерти, С. С. Уваров, считавший себя по жене наследником, «явился запечатывать дом».

В. Я. Брюсов в примечании к стихотворению писал: «Уваров был очень отдаленный родственник Шереметева (муж его двоюродной сестры), что увеличивало комизм положения».⁵⁰ Но более близких родственников у Шереметева не было, и если говорить о «комизме положения», то он коренился в давних семейных отношениях. Отец Д. Н. Шереметева, граф Николай Петрович, же-

⁴⁵ В. Мещерский. Граф Д. Н. Шереметев. СПб., 1872, стр. 4.

⁴⁶ В. К. Станюкович. Бюджет Шереметевых (1798—1910). М., 1927, стр. 14 и др.; Ю. Анисимов и Г. Новицкий. Останкино. М., 1927, стр. 6; О. Панкова. Усадьба Кусково. М.—Л., «Искусство», 1940, стр. 53.

⁴⁷ См.: Русский архив, 1899, № 9, стр. 38.

⁴⁸ Э. Н. Ацаркина. Орест Кипренский. М., Изд. Гос. Третьяковской галереи, 1948, стр. 138, 151.

⁴⁹ См.: А. В. Никитенко. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник. Изд. 2-е. Т. I. СПб., 1904, стр. 5, 108—109; Дневник В. П. Шереметевой, урожденной Алмазовой. 1825—1826 гг. М., 1916, стр. 33, 39—41, 106 и др.

⁵⁰ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. I, ч. I. М., ГИЗ, 1919, стр. 370.

нившись на своей вольноотпущеннице П. И. Ковалевской, более полутора лет держал этот брак в строгой тайне. Только рождение сына заставило его открыться Александру I и Марии Федоровне. И уже после них о происшедшем узнала единственная бывшая к этому времени в живых сестра Николая Петровича, В. П. Разумовская (1759—1824), мать Е. А. Разумовской (в замужестве Уваровой). Отношения между Разумовскими и Н. П. Шереметевым были к этому времени таковы, что по завещанию, составленному им после рождения сына, в случае, если Д. Н. Шереметев умрет бездетным, состояние его должно было перейти не к племянникам Разумовским и их потомству, а к другой отрасли рода Шереметевых.⁵¹ «Коварная» женитьба брата на бывшей крепостной и рождение от этого брака наследника шереметевских богатств должны были раздражить В. П. Разумовскую и по ассоциации с ее личной судьбой. После первых лет супружества муж ее, А. К. Разумовский, изгнал жену из своего дома, удалил ее от детей и вскоре вступил в связь с дочерью своего берейтера М. М. Соболевской, продолжавшуюся до конца его жизни. Его многочисленные побочные дети были приписаны к дворянству (отсюда пошли Перовские, известные в литературной и общественной жизни России). Так или иначе, но когда Д. Н. Шереметев осиротел и был «высочайше» учрежден опекунский совет (1809), в его составе не было Разумовских. До совершеннолетия Д. Н. Шереметева самым близким человеком была для него подруга матери, тоже вольноотпущенная, Т. В. Шлыкова, а из родственников — троюродный брат отца В. С. Шереметев. С родной своей теткой, В. П. Разумовской, молодой граф не был лично знаком еще в октябре 1822 г., через два с половиной года после достижения им совершеннолетия.⁵²

Таким образом, принимая в 1835 г. меры для охраны имущества Шереметевых, Уваров (как представитель женской линии графского рода) поспешил заявить права на состояние, которое с рождением гр. Д. Н. Шереметева ускользнуло от В. П. Разумовской и ее наследников, и оградить его от боковой, нетитулованной ветви рода Шереметевых, с которой «богач» был связан живыми родственными отношениями.

Поведение Уварова получило огласку. «Здесь было пронесся лживый слух о смерти богача Шереметева, который в Воронеже, — писал П. А. Вяземский А. И. Тургеневу 25 октября 1835 г. — В Комитете министров кто-то сказал *qu'il avait la fièvre scarlatine* <у него скарлатинная лихорадка>. „Et vous, vous avez la fièvre de l'attente“ <а у вас, у вас лихорадка ожидания>, — сказал громогласным голосом своим Литта, оборотившись к Ува-

⁵¹ А. А. Васильчиков. Семейство Разумовских, т. II. СПб., 1880, стр. 119—120.

⁵² Русский архив, 1899, № 9, стр. 36.

рову, который один из наследников Шереметева. Уж прямо как из пушки выпалило».⁵³

Источники, проливающие свет на обстоятельства, при которых создавалось стихотворение, скудны. За одним исключением (о нем будет сказано ниже) мы не располагаем сведениями о знакомстве современников с одой до ее появления в печати. По-видимому, у Пушкина были все основания позднее сказать: «Мои друзья ничего не знали о ней» (XVI, 78). Беловик «Лукулла», по которому ода была напечатана в «Московском наблюдателе», не сохранился, как и часть рабочих рукописей. Единственный известный ныне автограф стихотворения — черновик, находящийся в рабочей, так называемой «последней тетради», которой Пушкин пользовался с октября 1833 г. и которую он не успел заполнить даже и наполовину,⁵⁴ — служит сейчас главным (п почти единственным) источником, позволяющим судить о творческой истории оды.

В настоящее время принято считать, что «Лукулл» написан в октябре—ноябре 1835 г.⁵⁵ Не касаясь пока вопроса о том, когда стихотворение было окончено, заметим, что начало работы над ним может быть датировано точнее.

Первую половину осени 1835 г. Пушкин провел в Михайловском: выехав из Петербурга 8 сентября, он вернулся в столицу 23 октября. На время отсутствия Пушкина пришлось и известия о болезни Шереметева, и преждевременные «хлопоты» Уварова по охране его наследства, и уничтожающая реплика гр. Лытты по адресу Уварова. Последняя была новостью в дни возвращения

⁵³ Остафьевский архив, т. III. СПб., 1899, стр. 277. В несколько ином варианте реплику Ю. П. Лытты передает Ф. Ф. Вигель (Летописи Гос. Литературного музея, кн. I, стр. 535).

⁵⁴ Эта тетрадь известна в литературе под шифром ЛБ, № 2384, ныне ПД, № 846.

⁵⁵ Г. Н. Геннади, включая оду во второе издание сочинений Пушкина, вышедшее под его редакцией (т. I, СПб., 1870, стр. 550), отнес ее к ноябрю 1835 г. Однако уже в третьем издании П. А. Ефремова «Лукулл» датирован сентябрем (т. III, СПб., 1880, стр. 424), и эта последняя дата утвердилась в ряде последующих изданий (см.: Сочинения Пушкина. Под ред. П. А. Ефремова. Т. II. СПб., 1903, стр. 368; Сочинения и письма А. С. Пушкина. Под ред. П. О. Морозова. Т. II. СПб., 1903, стр. 205; А. Пушкин. Сочинения. Ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. Л., ГИЗ, 1925, стр. 500). Вывод Н. О. Лернера (1915), считавшего, что ода была написана не в сентябре, а позже — в октябре—ноябре (см.: Пушкин. «Сочинения». Под ред. С. А. Венгерова. Т. VI, Пгр., 1915, стр. 480), не был аргументирован, и в 1919 г. В. Я. Брюсов (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. I, ч. I. М., ГИЗ, 1919, стр. 370) вновь расширил датировку до сентября—ноября. Датировка Н. О. Лернера была восстановлена в издании Пушкина, вышедшем как приложение к журналу «Красная нива» (т. II, М.—Л., ГИЗ, 1930, стр. 321), и с этих пор стала общепринятой. В собрании сочинений, вышедшем в издательстве «Academia»—Гослитиздат (т. II, стр. 545), эта дата обоснована ссылкой на содержание стихотворения (болезнь гр. Д. Н. Шереметева) и время цензурного разрешения сентябрьской книжки «Московского наблюдателя» (22 декабря 1835 г.).

Пушкина: 25 октября Вяземский о ней писал А. И. Тургеневу. Отсюда следует, что стихотворение, в котором Пушкин воспользовался «поэтическим выражением» Литты (XVI, 79), не могло быть написано до возвращения в Петербург.

Знакомство с черновиком оды и положением его в тетради, подтверждая это соображение, дает возможность еще более уточнить дату начала работы над стихотворением.

В 1835 г. Пушкин пользовался «последней тетрадью» и до отъезда в деревню, и в Михайловском, и по возвращении в Петербург. Не касаясь истории заполнения тетради — вопроса, которому посвящена в этом сборнике особая статья С. М. Бонди, напомним, что целый ряд листов занят здесь «Сценами из рыцарских времен». Работа над «Сценами» прервалась 15 августа. Писались они сразу набело, причем время от времени Пушкин оставлял в тетради чистые листы. Так здесь оказались незаполненными лл. 30—32, 39—45.⁵⁶ Трудно сейчас сказать, чем руководствовался Пушкин, пропуская эти листы. Во всяком случае уже в Михайловском и позднее, по возвращении в Петербург, на них своеобразными «гнездами» расположились иные, не связанные со «Сценами из рыцарских времен» тексты. В одно из двух таких «гнезд» и входит черновик «Лукулла», что значительно облегчает его датирование.

Речь идет о лл. 39—45. Лл. 39₁—40₁ заняты концом черновика стихотворения «Вновь я посетил», белой текст которого помечен 26 сентября. Затем, после чистых лл. 40₂—42₁, тетрадь до начала следующего фрагмента «Сцен из рыцарских времен» (лл. 46₁—54₁) заполнялась подряд.

Лист 43₁ начинается фразой «На днях прочитал я новый роман Лажечникова», свидетельствующей о неосуществленном замысле полемической статьи о «Ледяном доме» и записанной в тетрадь около 3 ноября 1835 г.⁵⁷ Непосредственно за ней начат и оставлен набросок «Развратник, радуясь, клеветет», за которым следует черновик «Лукулла». Занимая большую часть л. 43₁, он переходит на оборот этого листа и возвращается на л. 42₂. Все записи (от фразы о романе Лажечникова до черновика оды включительно) сделаны карандашом, сходным почерком. Не остается сомнений, что лл. 42₂—43₂ заполнены не только в один день, но и за один присест. Дальше, на лл. 44₁, расположен черновой

⁵⁶ В настоящее время тетрадь имеет три нумерации листов: жандармскую (красными чернилами, посередине листов), опекунскую (черными чернилами, в правом верхнем углу) и новейшую архивную (карандашом, в правом верхнем углу). Здесь и в дальнейшем даются ссылки на архивную нумерацию, охватывающую не только заполненные, но и чистые листы тетради.

⁵⁷ См. об этом: Н. Петрунина. Два замысла Пушкина для «Современника». (К спору между Пушкиным и Лажечниковым по поводу «Ледяного дома»). — Русская литература, 1966, № 4, стр. 156—157.

текст, известный как первая импровизация итальянца из «Египетских ночей» («Поэт идет — открыты вежды»), а на обороте листа — дата «19 ноября» и под ней беловик стихотворения «Когда владыка ассирийский», переходящий в черновик.

Таким образом, между черновиком оды, написанным около 3 ноября, и текстом «Когда владыка ассирийский», над которым Пушкин работал 19 ноября, оказывается рукопись стихотворения «Поэт идет — открыты вежды». Эта рукопись в отличие от карандашного черновика писана чернилами, причем пером и почерком, отличающимися от следующего за ней черногого автографа стихотворения «Когда владыка ассирийский». Благодаря этому отчетливо видно, что в день, когда Пушкин работал над текстом «Поэт идет — открыты вежды», он вернулся к черновику «Лукулла», сделав в нем поправку (л. 43₂) и заново набросав начало II строфы (л. 43₁). Таким образом, весь черновой текст оды можно датировать началом (между 3 и 19) ноября 1835 г., причем работа над ним была осуществлена в два приема.

Уже упоминалось, что, прежде чем обратиться к теме «Лукулла» (и притом непосредственно перед этим), Пушкин сделал в начале листа 43₁ еще две записи. Из письма Пушкина к Лажечникову от 3 ноября 1835 г. видно, что «Ледяной дом» вызвал его на спор с автором. Основные возражения поэта касались трактовки, которую получили в романе Лажечникова исторические образы Волынского и Третьяковского (XVI, 62). В 1830-х годах, по ассоциации с собственным положением при дворе, Пушкин воспринимал анекдоты о постоянных унижениях, которые выпадали на долю Третьяковского, как знак пренебрежения достоинством русского литератора и ученого. Неудивительно, если от «Ледяного дома», от «оскорбленного» Лажечниковым «мученика» Третьяковского мысль поэта перешла к собственному его положению: строки

Развратник, радуясь, клеветчет,
Соблазн по городу гремит,
А он, хохоча, рукоплещет —
(III, 1308)

напоминают о ситуации, возникшей после выхода в свет «Истории Пугачева». Не есть ли клеветующий и хохочущий «развратник» этого наброска Уваров, клеветник Пушкина?⁵⁸ Напрашивается предположение, что загадочное трехстишие — подступ к другой сатире, направленной против Уварова. Если это и так, то замысел ее был тут же оставлен: высокая сатира на порок,

⁵⁸ Ср. слова Пушкина об Уварове в дневниковой записи от конца февраля 1835 г.: «Разврат его известен» (XII, 337). Что касается слова «соблазн», то его следует истолковать как греховное искушение и толчки, порожденные клеветой «развратника». Ср. «Словарь языка Пушкина».

которая угадывается в наброске, легко и без поправок вышедшем из-под пера Пушкина, уступила место сатире на лицо в оде «На выздоровление Лукулла».

Первые появившиеся на бумаге стихи оды, отмененные позднейшей редакцией, по содержанию своему соответствуют I строфе «Лукулла». В них сразу же определилась форма стихотворения, обращенного к Шереметеву:

Кругом тебя ходила смерть
И Эскулапу
Уж мнила на тебя простерть
Косою блестящую лапу.

Стихи не шли: не Шереметев занимал воображение Пушкина. Об этом с редкой красноречивостью говорит рукопись, раскрывающая историю дальнейшей работы над текстом.

На середине стиха оборвав начатую строфу, Пушкин решительно перешел к теме нетерпеливого наследника. Начальные строки будущей третьей строфы ложатся на бумагу как бы на бело, сразу в окончательном виде:

А между тем наследник твой
Знобим стяжанья лихорадкой

Бледнел и трясся над тобой

По собственному признанию, Пушкин воспользовался здесь «поэтическим выражением» (XVI, 79) гр. Ю. П. Литты, приведенным выше. Von mot Литты, развитое в цитированных стихах, дало первый толчок творческой мысли Пушкина. Следующие строки писались труднее: многочисленные поправки существенно изменили первоначальный текст.

Ранний слой черновика примечателен тем, что из него ясно видно, как именно здесь, в захватившей Пушкина работе над первой же «уваровской» строфой, определилась и строфическая форма оды.

Строфа «Лукулла», восходящая к строфе оды-сатиры Державина «Ко второму соседу», «состоит из семи четырехстопных ямбов и заключительного трехстопного, с рифмовкой, состоящей из двух четверостиший — перекрестного и охватного; строфа начинается и кончается мужским стихом (аВаВсDDc)».⁵⁹ Четырехстопными ямбами написаны уже и трехстишие о «развратнике», непосредственно предшествующее черновику оды (1-й и 3-й его стихи женские, 3-й — мужской), и первые (приведенные выше), недоработанные и отброшенные строки оды, соответствующие по рифмовке и чередованию мужских и женских стихов первой по-

⁵⁹ В. В. Томашевский. Строфика Пушкина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. II. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 91.

ловине строфы «Лукулла». Однако начало «уваровской» строфы показывает, что к этому времени строфическая форма стихотворения еще не была найдена: эти четыре стиха (считая с третьим, отсутствующим в первоначальном слое черновика, где для него лишь оставлено место) соответствуют второй половине строфы «Лукулла», не имея, однако, ее характернейшего признака — усеченного последнего стиха. Только набросав следующее четверостишие:

Уже скупой его сургуч
Окуривал твою контору
И мнил он видеть злата гору
Среди бумажных куч,

Пушкин привел в соответствие с ним начало строфы, дополнив его недостающим стихом («Как ворон к мертвечине падкой») ⁶⁰ и переставив стих «Знобим стяжанья лихорадкой» в конец четверостишия. ⁶¹

Поставив под строфой звездочку в знак того, что она завершена, Пушкин хотел было вернуться к Лукуллу-Шереметеву и описать его «воскрешение»:

Но Эскулап
И твой тѣ <...?>

но тут же оставил свое намерение и перечеркнул эти строки. В состоянии крайнего раздражения против Уварова ⁶² он возвратился к теме наследника, чтобы изобразить его алчные мечтания в ожидании наследства. Так возникли еще две строфы, слитые в окончательном тексте оды в одну (по счету четвертую), в ту самую строфу, которую А. И. Тургенев позднее назвал «биографической», увидев в ней «эпиграф всей жизни арзамасца-отступника». ⁶³

Из всех вариантов, которые дает черновик, варианты «биографической» строфы наиболее интересны в смысловом отношении. Они открывают новые грани во взгляде Пушкина на Уварова — вельможу нового типа — и указывают (более ясно и кон-

⁶⁰ По рассказу С. А. Соболевского, «Пушкин в особенности любил» в стихотворении именно этот стих (Летописи Гос. Литературного музея, кн. I, стр. 534). Богатство его смысловых граней раскрывается в сопоставлении со стихотворением «Ворон к ворону летит» (1828) и с притчей о вороне и орле, вложенной в «Капитанской дочке» в уста Пугачева.

⁶¹ Знак «(» перед началом этого стиха представляется нам именно знаком перестановки стиха, а не скобки, как он истолкован в академическом издании (III, 1015), где он дополнен соответственно знаком, закрывающим скобки.

⁶² На это указывает, в частности, промежуточный вариант начала III строфы, когда Пушкин, не зная, как еще «почтить» Уварова, писал: «Меж тем наследник *знусный* твой» (курсив мой, — *В. П.*).

⁶³ Литературное наследство, т. 58, М., Изд. АН СССР, 1952, стр. 120.

кретно, чем текст «Московского наблюдателя») на связь оды с одной из сквозных для творчества Пушкина 1830-х годов тем — темой старой и новой аристократии. Отзвук ее сохранился и в окончательном тексте внутреннего монолога наследника:

Он мнил: «Теперь уж у вельмож
Не стану нянчить ребятишек;
Я сам вельможа буду тож;
В подвалах, благо, есть излишек.

У Пушкина были и свои, личные причины напомнить о недавнем прошлом могущественного сановника. Н. И. Греч сообщает, что именно Уваров когда-то в присутствии Булгарина рассказал, будто Петр I купил «негра Аннибала» за бутылку рома.⁶⁴ Булгарин не преминул воспользоваться услышанным в журнальной полемике. Пушкин знал об этой «услуге» Уварова и не забыл о ней. Вероятно, незадолго до создания оды поэт среди анекдотов «Table-Talk» вспомнил об отце Уварова — «одном из самых низких угодников Потемкина» (XII, 156).

В отброшенных стихах оды наследник не только бесчестным и низким путем пробирается в вельможи, но и «казною» старинного вельможного рода «располагает» в мыслях своих как нувориш, человек третьего сословия, торопливо извлекающий прибыль из наследственных угодий:

Уж он в мечтах располагал
Твоей казною родовою,
На откуп реки отдавал,
Рубил наследственные рощи.

Набросав наскоро (даже без соблюдения рифмовки — случай чрезвычайно редкий у Пушкина) это четверостишие, поэт начал его править, но, не доведя правки до конца, зачеркнул все четыре стиха. По-видимому, по его замыслу, никакие отступления не должны были нарушать документальной строгости портрета Уварова. В первой из двух строф, слившихся позднее, уже за пределами нашего черновика, в «биографическую» строфу, этому требованию удовлетворяла (а потому и не была зачеркнута) лишь вторая половина, после стилистической правки вошедшая в окончательный текст строфы в качестве заключительного ее четверостишия:

Теперь мне честность трын-трава,
Жену обкрадывать не буду
и красть уж позабуду
Казенные дрова.

⁶⁴ Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.—Л., «Academia», 1930, стр. 702.

Не была завершена в анализируемом черновике и вторая из двух названных строф. И хотя отчетливо видно, как на их основе была осуществлена последующая сводка, черновик не содержит даже и подводящей к ней правки второй строфы. «Покозчив» с Уваровым, Пушкин обратился к Лукуллу. Наметив в основных чертах тему его выздоровления и напоследок унизив наследника изгнанием «в толчки» (вторая половина пятой строфы окончательного текста), он вернулся к началу стихотворения (л. 42₂). Черновик явственно показывает, как непосредственное увлечение темой и энергичное движение мысли и пера уступили место трудной и кропотливой работе над текстом. Не случайно именно здесь, отделявая первую строфу оды, Пушкин вынужден был прибегнуть к сводке с предшествующего недоработанного черновика, настолько он был измаран и запутан. Этой сводкой закончился первый день работы.

Но как уже упоминалось выше, в ближайшие дни Пушкин вернулся к стихотворению. На этот раз, однако, результатом был лишь набросок начала второй строфы. Обращение к ранее написанному ограничилось единственной поправкой в составе пятой строфы, отмененной при окончательной обработке текста.

Этим закончилась работа над одой в «последней тетради».

Прежде чем обратиться к характеристике черновика в целом, его места в творческой истории стихотворения, следует отметить еще один факт, небезразличный, как нам представляется, для истории создания «Лукулла».

Непосредственно за черновиком оды в тетради следует черновой текст «Поэт идет — открыты вежды». Судя по перу, чернилам, почерку, эта последняя запись сделана в тот самый день, когда Пушкин продолжил работу над «Лукуллом». Насколько случайно это совпадение?

Черновик «Поэт идет — открыты вежды» — переработка XII—XIII строф «Езерского» в отдельное стихотворение, первую импровизацию итальянца для повести «Египетские ночи».⁶⁵ Тема импровизации так звучит в устах Чарского: «Поэт сам избирает предметы для своих песен; толпа не имеет права управлять его вдохновением» (VIII, 268). Среди автографов стихотворения «Поэт идет — открыты вежды» черновик, находящийся в «последней тетради», является наиболее ранним. Это первая переработка XII—XIII строф «Езерского» за пределами белого автографа поэмы.⁶⁶

Тема «поэт и общество», как и тема старого и нового дворянства, — одна из наиболее важных, «сквозных» тем в творчестве

⁶⁵ См.: С. Бонди. Новые страницы Пушкина. М., «Мир», 1931, стр. 192—193; О. С. Соловьева. «Езерский» и «Медный всадник». История текста. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. III. М.—Л., Изд. АН СССР, 1960, стр. 333—334, 339.

⁶⁶ С. Бонди. Новые страницы Пушкина, стр. 192—195.

зрелого Пушкина. Обращение его к этой теме в начале ноября 1835 г. тем более естественно, что в конце августа—начале сентября этого года Пушкин предпринял (хотя и не завершил) переработку элегии «Клеопатра» во вторую импровизацию итальянца для тех же «Египетских ночей». ⁶⁷ Однако непосредственное соседство черновиков оды «На выздоровление Лукулла» и стихотворения «Поэт идет — открыты вежды» и свидетельства одновременной работы Пушкина над обоими текстами дают основание для гипотезы о том, что в данном случае толчком, побудившим его обратиться к теме поэта и толпы, был именно «Лукулл».

Работа Пушкина над первой импровизацией итальянца относится ко времени, когда основная, сатирическая часть его оды была вчерне завершена. Мысленная встреча с будущим читателем и могла послужить толчком, побудившим Пушкина вновь задуматься о праве поэта избирать «предметы для своих песен» и о необходимости отстаивать это право в споре с «толпой» и критикой, выражающей мнение «толпы». В «Езерском» строфы, которые позднее легли в основу первой импровизации итальянца, также возникли как развитие мысли о том, что поэт волен выйти за пределы «возвышенного».

Как бы то ни было, обращение Пушкина к «Лукуллу» в день, когда он перерабатывал второе лирическое отступление «Езерского», было на страницах рабочей тетради последним. Быть может, заклеив Уварова, он на некоторое время остыл к незавершенному замыслу; быть может, остановку в работе в какой-то мере объясняют и размышления, отразившиеся в стихотворении «Поэт идет — открыты вежды». Во всяком случае, этим завершилась первая стадия работы Пушкина над текстом оды. Ниже мы постараемся показать, что на этой стадии Пушкин еще вряд ли предназначал ее для печати.

⁶⁷ К этой стадии работы относятся, по-видимому, прозаическое описание «пиршества в садах царицы египетской» (VIII, 422) с рядом археологических подробностей, отсутствующих в тексте 1828 г. (ПД, № 217), а также два стихотворных отрывка (ПД, №№ 215 и 216), разрабатывающих стороны темы, не затронутые в 1828 г.: первый живописует обстановку пира (см. о нем: Б. В. Томашевский. Писатель и книга. М., «Искусство», 1959, стр. 262), второй — картину жизни Клеопатры, жизни, обстановка которой породила гнетущие ее «печаль» и «бесчувствие». Черновик, предшествовавший автографу ПД, № 216, находится в тетради ПД, № 846 (лл. 56₁—57₁) и поддается датировке по местоположению в ней. Дело в том, что до оставления «Сцен из рыцарских времен» (15 августа 1835 г.) тетрадь заполнялась подряд. Интересующий же нас черновик расположен между концом «Сцен», от которых он отделен тремя чистыми страницами (лл. 54₂—55₂), и черновиком «Вы за Онегина советуете, други» (л. 57₂) — одним из подступов к стихотворению «В мои осенние досуги», перебеленному 16 сентября того же года. Тем самым первый черновой набросок «Клеопатры», предназначенный для незавершенной импровизации итальянца, следует отнести ко времени между 15 августа и 16 сентября 1835 г.

Подведем некоторые итоги.

Что характеризует текст оды в том виде, как он определился в «последней тетради»? Ответ на этот вопрос тем более важен для творческой ее истории, что рукописи, отражающие дальнейшую работу над стихотворением, утрачены и только путем сопоставления черновика с печатным текстом оды можно реконструировать содержание этой работы.

Черновик не дает вполне законченного текста. В нем полностью отсутствует последняя строфа, остались недоделанными II и V строфы, не отделана и все стихотворение. Однако вполне определились художественная мысль оды, ее композиция, а в значительной и (с точки зрения общего содержания) важнейшей части — и текст «Лукулла». Особенно интересны свидетельства черновика о последовательности, в которой протекал творческий процесс. Речь идет не только о преимущественном внимании Пушкина к сатирической части оды: ее разработкой началась и почти ограничилась работа первого дня. Примечательно и другое. Стилистическая струя, оправдывающая в окончательном тексте стихотворения подзаголовок «Подражание латинскому», отсутствует в черновике. Правда, среди отброшенных вариантов трижды повторяется имя Эскулапа. Но можно с уверенностью сказать, что Эскулап появляется здесь не с целью создания латинского колорита: имя его возникает всякий раз в исходе стиха, в сочетании с издавна полюбившейся рифмой «лапа»,⁶⁸ она-то и «привела» его за собой.

Даже имя самого Лукулла впервые появилось в черновике лишь V строфы («Спасен Лукул...»). Два славянизма в более ранних частях черновика («Где *мнил* загресть он *злата* горы») вполне объяснимы в рамках русской одической традиции XVIII в., к которой примыкает здесь Пушкин. Зато эта ранняя по происхождению часть оды обильно оснащена реальными и стилистическими приметамы современности. Лишь в первой строфе, которая писалась в конце первого дня работы над одой, рядом с «младым Лукулом» появляются «рабы печальные», сменяющие «слуг» и «челядь» предшествующих строф и вариантов. Но и здесь сравнение смерти с «втершимся с утра заимодавцем» предваряет стихию расчета и корысти, связанную с темой наследника.

Иное дело — отрывки, написанные после прекращения работы в тетради. Что завершение оды было отделено от времени создания известного нам черновика некоторым хронологическим промежутком, видно из того, что листы тетради, примыкающие к черновику, были заполнены другими записями. Потому-то, вер-

⁶⁸ Ср. в стихотворении 1819 г. «N. N. <В. В. Энгельгардту>»:

Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритый — но живой;
Его мучительная лапа
Не тяготее надо мной.

(II, 83)

нувшись к работе над одой, поэт продолжил ее на отдельных, неизвестных ныне листах. Оставляя пока в стороне вопрос о времени возобновления работы над стихотворением (он будет рассмотрен несколько ниже), постараемся определить общее направление стилистических поисков Пушкина на последней ступени творческого процесса.

Именно на этой стадии ода получает свое название, созданное по типу традиционных названий классических од. Непосредственным прообразом его явилось название оды Державина «На выздоровление Мецената», в свою очередь восходящее к римской традиции.⁶⁹ Одновременно появился подзаголовок «Подражание латинскому». Из двузначности выражений «младой Лукул», «рабы печальные», которые в черновике «последней тетради» могли быть поняты как в античном, историческом, так и в современном смысле, рождается стилистическая система, в которой условный античный план сочетается с современным.

И на этой стадии Пушкин не стремился к точности исторических реалий. Достаточно вспомнить о «младом Лукуле»: исторический Лукулл провел молодость в войнах, где он и нажил свое баснословное богатство. Это богатство приобрело известность, когда на склоне лет, после вынужденного устранения от дел, Лукулл вел расточительный образ жизни. Короче: младой Лукулл не был богат, богатый Лукулл не был молод.⁷⁰ И тем не менее в I строфу (стих «Ты слышал плач друзей печальных») и в начало II строфы («нахлебники» и «цирцеи» заняли здесь место «прелестницы» из черновой редакции), а особенно в конец II и в начало V строф, вовсе отсутствовавших в черновике, Пушкин ввел «ряд выражений, которые не только своим реальным значением, но и стилистической окраской имитируют переводы древних поэтов».⁷¹ Это не только сообщило стихотворению худо-

⁶⁹ Так, одной из од Горация (книга I, ода 20) традиция присвоила название «Меценату после его выздоровления».

⁷⁰ Подчеркнутое отсутствие в оде «На выздоровление Лукулла» исторического фона становится особенно явным при сопоставлении с близкими по времени отрывками новой редакции стихотворения «Клеопатра». От стихотворения 1828 г. их отличают как раз обилие археологических деталей, живописность описаний, восходящих к строгим историческим источникам. Действие «Клеопатры» 1835 г. приурочено тем самым к «периоду политического упадка Египта» (Б. В. Томашевский, Писатель и книга. Изд. 2-е. М., «Искусство», 1959, стр. 258—260). В сатире на Уварова Пушкин явно не преследовал цели такой локализации: «латинский» фон стихотворения чисто условен, хотя его можно было легко углубить и конкретизировать с помощью тех же жизнеописаний Плутарха, которые служили поэту в работе над «Клеопатрой». «Латинизм» оды на Уварова — в ее органическом родстве с римской сатирой, проявляющемся в обращении к сатире нравов и в насыщенности приметами современности (ср. Ювенал).

⁷¹ Б. В. Томашевский. Стих и язык. М.—Л., Гослитиздат, 1959, стр. 450. См. также: В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. М., Гослитиздат, 1941, стр. 510—511.

жественную законченность, но в сочетании с заголовком и подзаголовком сделало возможной его последующую публикацию. А в расчете на нее Пушкин, по-видимому, и завершал оду.

Что же побудило Пушкина вернуться к сатире и, более того, пойти на ее публикацию? Отдавая «Лукулла» в печать, он мог не представлять себе всех последствий этого шага, но вряд ли не догадывался о рискованном характере своего поступка. Нужен был какой-то серьезный толчок, переполнивший чашу терпения Пушкина и заставивший его забыть всякую осторожность.

Поводом для открытого выступления Пушкина с сатирой на Уварова современники считали выговор, будто бы сделанный Уваровым поэту в связи с распространением эпиграммы «В Академии наук». Об этом сообщают три мемуариста — А. Я. Булгаков, Ф. М. Деларю и Н. И. Куликов, хотя они и по-разному освещают связь между названными событиями.⁷²

Выговор ли по поводу эпиграммы «В Академии наук» или другой, неизвестный нам, бестактный поступок Уварова повел к завершению «Лукулла», но стихотворение было окончено. Единственная дата, связанная с публикацией оды, — 22 декабря 1835 г., дата цензурного разрешения книжки «Московского наблюдателя», на страницах которой «Лукулл» увидел свет. «Наблюдатели» получили стихотворение Пушкина заблаговременно, иначе его не смогли бы напечатать в начале тома. По-видимому, все это позволяет считать, что ода была окончена не позднее конца ноября — начала декабря 1835 г.

5

Уже в молодые годы Пушкин вслед за просветителями видел в общественных нравах показатель состояния общества в целом. Не только в стихотворении «Лицинию», но и в «Заметках по русской истории XVIII века» (1822) он рассматривает падение нравов как непосредственное следствие образа правления. Исторический приговор царствованию Екатерины II был заключен для него в разворотах ею своего государства, «совершенном отсутствии чести и честности в высшем классе народа» (XI, 16). В 1820 — 1830-е годы внимание Пушкина-поэта, прозаика и кри-

⁷² По Деларю (Русская старина, 1880, № 9, стр. 219), Пушкин написал стихотворение, «возвратившись домой» после «взбесивших» его назиданий Уварова. Булгаков же и Куликов (Русская старина, 1881, № 8, стр. 616; В. Э. Вацуро и М. И. Гиллельсон. Сквозь «умственные плотины», стр. 187) представляют объяснение поэта с министром как более отдаленную причину возникновения «Лукулла». Приняв версию Деларю, трудно объяснить, однако, почему прежде чем приступить к «Лукуллу», Пушкин начал было полемическую статью о «Ледяном доме». Другое дело, если допустить, что после столкновения с министром Пушкин только завершил и обработал произведение, уже существовавшее в черновом виде.

тика все чаще привлекает тема сатирического описания нравов современного общества.

В «Моей родословной» и набросках незавершенных повестей Пушкина 1830-х годов падение нравов «в высшем классе народа» непосредственно связывается с выдвиганием той новой аристократии, типичным представителем которой в его глазах был Уваров. Ода «На выздоровление Лукулла» включается в круг произведений поэта, затрагивающих эту тему.

С самого начала в замысле стихотворения соединялись два мотива: ода-послание к Шереметеву и сатира на Уварова. В России жанр сатирической оды с введением конкретных бытописательных мотивов был разработан Державиным. Естественно, что уже на ранних ступенях творческого процесса в сознании Пушкина возникли ассоциации с творчеством этого его предшественника. Тем более, что к Державину и его эпохе вели и некоторые черты биографии «наследника»: Уваров был сыном екатерининского фаворита и в молодости занимался откупами, как и «первый сосед» Державина. С одой «Ко второму соседу» сатиру Пушкина объединяет тема мнимого и подлинного вельможи, «известность» которого, по Державину, «делают» «твердый дух и честность», а не богатство. К тому же строфа этой державинской оды как нельзя лучше соответствовала задачам оды-сатиры. Ее последний усеченный стих по своей интонационной и семантической функции легко мог быть использован как эпиграмматический *pointe* («шпигц», так называл его Пушкин). Спокойный повествовательный ритм строфы в сочетании с быстрым и энергичным ее финалом по своему интонационному рисунку идеально отвечал замыслу Пушкина. Выше упоминалось о близости названия оды Пушкина к названию оды Державина «На выздоровление Мецената». Встречается у Державина и имя Лукулл, оброненное мимоходом как нарицательное, в значении «богач» (ода «На Новый год»).

Но сатира Державина, подобно живописи, изображает свой предмет вне движения. В «Лукулле» же персонажи включены в развивающийся сюжет. В основе памфлета Пушкина — анекдот, разработанный согласно правилам и приемам эпиграмматического искусства.

Во фрагментах, возникших на последней стадии работы, появился ряд реалий, оправдывающих подзаголовок «Подражание латинскому», и струя архаизованной лексики, внешне имитирующая стиль переводов из древних. В результате сохранения наряду с ними реальных и лексических примет современности возникло «резкое столкновение двух стилей, обнажающее современный план сатиры». ⁷³

⁷³ Б. В. Томашевский. Стих и язык. М.—Л., Гослитиздат, 1959, стр. 450.

В стихотворной сатире первой четверти XIX в. ссылки на подражание латинской сатире скрывали обычно более или менее очевидную для читателя сатиру на современность. И М. В. Милонов, автор сатиры на временщика «К Рубеллию» (1810), и шедший по его стопам К. Ф. Рылеев, создатель сатиры «К временщику» (1820), направленной против Аракчеева, выдавали свои произведения за подражание Персию. То же назначение имел подзаголовок «Подражание латинскому» и в оде «На выздоровление Лукулла». Но между одой Пушкина и сатирами Милонова и Рылеева есть и существенные различия.

У Милонова и Рылеева объект сатиры, временщик, развенчивается непосредственно как политическое лицо. У Пушкина же политический деятель Уваров показан «домашним образом» (XII, 195): его поступки как частного человека компрометируют его вместе с тем и как государственного деятеля. Этот подход к государственной жизни сквозь призму частного бытия героя не только формально, но и по существу сближает оду Пушкина с древнеримской сатирой, в особенности с сатирами Ювенала.

Стоит отметить, что именно в 1830-е годы в творчестве Пушкина не раз всплывает тема поздней античности. При этом между бытом и нравами античного мира периода упадка и нравами современного поэту русского общества проводится определенная параллель. Подобное сопоставление делал, по-видимому, не один Пушкин: не потому ли в 1836 г. П. Б. Козловский настоятельно предлагал поэту заняться переводом X сатиры Ювенала со знаменитой картиной падения Сеяна — временщика Тиверия? Воспринятые в свете всего этого подзаголовки оды и ее скупые античные реалии вводили ее героев и сюжет в определенную историческую перспективу и подсказывали читателю ассоциации, которые углубляли нарисованную в ней картину.

Форма живого рассказа, основанного на материале текущей общественной хроники, портрет государственного деятеля, показанного в сфере его частного существования, определили необычность жанра пушкинского стихотворения. Сатирическая ода-послание приобрела под пером Пушкина характер своеобразного стихотворного фельетона. Это обусловило известную внутреннюю противоречивость стихотворения: строки, посвященные Шереметеву, в нем значительно бледнее стихов, клеймящих Уварова. Но осуществленный Пушкиным смелый эксперимент в какой-то мере подготовлял последующую русскую повествовательную сатиру — стихотворную и прозаическую, вплоть до Щедрина.

«Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли», — писал Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург» (XI, 264). И несколько ранее: «Нападения на писа-

теля и оправдания, коим подают они повод — суть важный шаг к гласности прений о действиях так называемых общественных лиц (*hommes publics*), к одному из главнейших условий высокообразованных обществ. В сем отношении и писатели, справедливо заслуживающие презрение наше, ругатели и клеветники, приносят истинную пользу — мало-помалу образуется и уважение к личной чести гражданина и возрастает могущество общего мнения, на котором в просвещенном народе основана чистота его нравов» (XI, 162—163). Публикация памфлета против Уварова и была, с точки зрения Пушкина, не простым актом личной мести, а апелляцией к общественному мнению, «шагом к гласности прений о действиях» одного из виднейших деятелей царствования Николая I, правительство которого, преследуя даже чисто литературную полемику, стремилось всеми доступными средствами пресечь проявления подобной гласности.

Как могло случиться, что в подцензурной печати появилась сатира на министра, возглавлявшего цензурное ведомство? Н. И. Куликов со слов П. В. Нащокина рассказывает, что, когда Пушкин написал стихи на Лукулла, ни один петербургский журнал не решался принять их. «Тогда мы позаботились напечатать их <...> в одном из московских журналов». ⁷⁴ В том, что Пушкин до отправки в Москву пытался напечатать «Лукулла» в столице, справедливо усомнился уже Н. О. Лернер. ⁷⁵ Здесь слишком широко прогремела история с шереметевским наследством и слишком хорошо были известны детали карьеры Уварова, чтобы кто-нибудь мог ввести в заблуждение подзаголовок «Подражание латинскому». Вторая часть свидетельства Куликова — рассказ о том, что стихи были помещены в «Московском наблюдателе» при посредничестве Нащокина, также вызывает сомнение. Из переписки Пушкина и Нащокина, относящейся к январю 1836 г., видно, что во второй половине 1835 г. они совершенно не общались друг с другом.

В письме к Бенкендорфу, датированном 16—20 января 1836 г., Пушкин писал: «Моя ода была послана в Москву безо всякого объяснения» (XVI, 78). Так, по-видимому, и было. В «Московском наблюдателе» и у цензора П. С. Щепкина стихотворение не вызвало никаких современных ассоциаций. ⁷⁶ После недолгих колебаний, ⁷⁷ вызванных скорее всего случайными причинами, ода

⁷⁴ Русская старина, 1884, № 8, стр. 616.

⁷⁵ Пушкин. «Сочинения». Под ред. С. А. Венгера. Т. VI. Пгр., 1915, стр. 481.

⁷⁶ Русская старина, 1887, № 1, стр. 43.

⁷⁷ Об этом упоминал А. А. Краевский в письме к М. П. Погодину от 17 января: «Я порадовался было, когда Пушкин сказал мне, что получил из Москвы известие об отказе Наблюдателя принять его стихи; а потом через неделю получаю 14-ю книгу Наблюдателя, где стихи уже тиснуты» (Литературное наследство, т. 16—18, М., 1934, стр. 716). Приведенный отрывок из письма Краевского — единственное свидетельство современника

«На выздоровление Лукулла» была напечатана в очередной книжке журнала.

Номер «Московского наблюдателя» со стихотворением Пушкина вышел в последних числах декабря 1835 г.; 1 января 1836 г. «Московские ведомости» известили о его раздаче московским подписчикам. В Петербурге книжка появилась в середине января.⁷⁸ Первое свидетельство о впечатлении, которое ода Пушкина произвела в столице, — дневниковая запись А. В. Никитенко, повествующая о новостях за 16 января: «Пушкин написал род пасквиля на министра народного просвещения, на которого он очень сердит за то, что тот подвергнул его сочинения общей цензуре <...> Пьеса наделала много шума в городе. Все узнают в ней, как нельзя лучше, Уварова».⁷⁹ Последствия не заставили себя долго ждать. Когда-то, в уединении Михайловского, Пушкин писал:

Приятно дерзкой эпиграммой
Взбесить оплошного врага;
Приятно зреть, как он, упрямо
Склонив бодливые рога,
Невольно в зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Приятней, если он, друзья,
Завоет сдуру: это я!

(VI, 131)

Теперь, в Петербурге все оказалось сложнее. Уваров был взбешен дерзостью Пушкина, а поскольку документальная точность сатирической части оды ни у кого не вызывала сомнений в ее адресате, ему оставалось только открыто признать себя мишенью пушкинской сатиры. По свидетельству современников, Уваров нажаловался Бенкендорфу и просил доложить о случившемся Николаю I.⁸⁰ Николай I принял сторону Уварова. Мнение императора стало известно в обществе и определило отношение к оде

о знакомстве с одой до ее появления в печати. Выше уже говорилось, что в июне 1835 г. Краевский служил посредником между Пушкиным и редакцией «Московского наблюдателя». Поэтому, вероятно, поэт в той или иной форме познакомил его со своим стихотворением и проектом его публикации в «Наблюдателе».

⁷⁸ Это видно из дневника А. В. Никитенко: в записи от 13 января 1836 г. он не упоминает об одо Пушкина и впечатлении, ею произведенном. Эти события заняли основное место в записях от 17 и 20 января.

⁷⁹ А. В. Никитенко. Дневник, т. I, стр. 179.

⁸⁰ Об этом сообщает Н. И. Куликов (Русская старина, 1884, № 8, стр. 617) и К. И. Фишер (Исторический вестник, 1908, № 1, стр. 50). М. К. Лемке в своем утверждении, что это Бенкендорф настроил Уварова против Пушкина и «навел его на мысль, что Пушкин метил в него» (Мих. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1909, стр. 521), основывается на поддельных «Записках А. О. Смирновой» (ч. I, СПб., 1895, стр. 271). Между тем разговор Пушкина со Смирновой целиком вымышлен: в июне 1835 г. она уехала за границу и больше не виделась с поэтом.

в придворных и великосветских кругах. Уже 20 января Никитенко записал: «Весь город занят „Выздоровлением Лукулла“. Враги Уварова читают пьесу с восхищением, но большинство образованной публики недовольно своим поэтом <...> Государь через Бенкендорфа приказал сделать ему строгий выговор».⁸¹ Вынужденное объяснение Пушкина с шефом жандармов произошло между 16 и 20 января.⁸²

«Когда Бенкендорф призвал Пушкина, — рассказывал Вигель, — и спросил его [с угрозою], на кого он написал эти стихи, тот с смелою любезностью отвечал: „На вас!“ Бенкендорф рассмеялся, и Пушкин убедил его, что Уваров имеет одинаковое с ним, Бенкендорфом, основание почитать себя обиженным».⁸³ Выдавая «Лукулла» за сатиру на общие пороки, Пушкин, по-видимому, рассчитывал не столько отвести обвинение в том, что он осмеял сановное лицо, сколько продолжить разоблачение Уварова, поставить его сторонников и защитников перед необходимостью показать, что именно в портрете наследника Лукулла восходит к Уварову, и тем самым подсказать своим оппонентам выводы о нравственном облике министра. Пушкин, очевидно, надеялся, что никто не решится открыто признать в министре и пре-

⁸¹ А. В. Никитенко. Дневник, т. I, стр. 180. Комментируя эту запись, И. Я. Айзеншток пишет: «Слух о „строгом выговоре“ Пушкину <...> должен быть сочтен за вымысел: и сам Уваров, и стоявший за ним Николай предпочли никак не реагировать на смелый выпад поэта» (там же, стр. 496). Этот вывод И. Я. Айзеншток подкрепляет ссылкой на суждение М. К. Лемке в его книге «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.». Между тем Лемке пишет обратное: «Бенкендорф получил приказание царя сделать поэту строгий выговор». Совершенно он подвергает не самый факт выговора, а рассказ Н. И. Куликова о содержании разговора между Пушкиным и Бенкендорфом, вызывавший недоверие и раньше (см.: Мих. Лемке. Николаевские жандармы..., стр. 521; ср.: В. Юрлов. К воспоминаниям об А. С. Пушкине. — Симбирские губ. ведомости, 1899, № 37, 26 мая, стр. 3). Пушкин действительно вынужден был по поводу «Лукулла» давать объяснения Бенкендорфу. Кроме Никитенко, об этом свидетельствуют и другие мемуаристы: Н. И. Куликов, передающий рассказ П. В. Нащокина (Русская старина, 1881, № 3, стр. 616—618), Ф. Ф. Вигель и С. А. Соболевский, одобрявший рассказ последнего (Летописи Гос. Литературного музея, кн. I, стр. 534), К. И. Фисшер (Исторический вестник, 1908, № 1, стр. 50). Подтверждение этому находим и в письмах самого Пушкина: в письме к Бенкендорфу, написанном между 16 и 20 января, он прямо пишет о вынужденных оправданиях перед министром — Уваровым (XVI, 78); в письме к А. Жюбару от 24 марта 1836 г. упомянуто о «неудовольствии» Николая I, которое навлекла на поэта публикация оды (XVI, 94).

⁸² Как видно из того же дневника Никитенко, 16 января «Лукулл» был еще новостью в столице, а 20 января было уже известно о «неудовольствии» императора и «строгом выговоре» Пушкину как результате этого «неудовольствия».

⁸³ Летописи Гос. Литературного музея, кн. I, стр. 534. Слова «с угрозой» зачеркнуты Баргеновым, так как С. А. Соболевский считал эту деталь недостоверной. Об «учтивости», проявленной в этом случае Бенкендорфом, писал Куликов (Русская старина, 1881, № 8, стр. 616).

зиденте Академии наук расхитителя казенных дров и его оставят в покое. Но из разговора с Бенкендорфом он вовсе не вышел безусловным победителем, как пишут (и быть может, со слов самого поэта) мемуаристы. Передав Пушкину неудовольствие Николая I, Бенкендорф, видимо, предложил ему уладить дело и самому договориться с Уваровым. Только этим можно объяснить, что на завтра после встречи с Бенкендорфом Пушкин обратился к нему с письмом, которое начинается словами: «Умоляю вас простить мне мою настоячивость, но так как вчера я не мог оправдаться перед министром. . .» (XVI, 78).

В письме к Бенкендорфу Пушкин подчеркнул, что ода его «была послана в Москву без всякого объяснения», что его друзья «совсем не знали о ней». Излагая сатирическую часть, он старательно избегает всего, что прямо наводит на мысль об Уварове. И лишь в конце письма Пушкин говорит, что читатели без подсказок угадали в «наследнике» высокопоставленное лицо, и перечисляет те приметы, по которым «как нельзя лучше» узнавали Уварова. «В образе низкого скупца, пройдохи, ворующего казенные дрова, подающего жене фальшивые счета, подхалима, ставшего нянькой в домах знатных вельмож, и т. д. — публика, говорят, узнала вельможу, человека богатого, человека, удостоенного важной должности <. . .> Я прошу только, чтобы мне доказали, что я его назвал, — какая черта моей оды может быть к нему применена» (XVI, 79). Тем самым Пушкин опять-таки ставил Бенкендорфа перед необходимостью либо признать в столь неприглядном облике государственного человека, либо видеть в «Лукулле» сатиру на порок, что снимало с поэта всякую вину за ее публикацию. Однако в письме сквозят нотки беспокойства. Пушкин, видимо, был не удовлетворен результатами разговора с Бенкендорфом. Письмо же было прямым продолжением разговора, и поэт, вероятно, уже понимал, что как ни остроумен избранный им способ оправдания, он вряд ли удачен. Едва ли письмо было им перебелено и отправлено, во всяком случае в делах III отделения его беловика не нашлось.

Объяснение с Бенкендорфом было лишь началом неприятностей и беспокойств, которые принесла публикация «Лукулла». «Весь город занят „Выздоровлением Лукулла“,»⁸⁴ — записал Никитенко 20 января. «Вот смена здешних разговоров: стихи „На выздоровление Лукулла“; поглотил их пожар Лемана»,⁸⁵ — информировал П. А. Вяземский А. И. Тургенева. Масленичный балаган Лемана сгорел 2 февраля, значит, две недели светский Петербург толковал по преимуществу о «Лукулле». Тем не менее отзывы об оде Пушкина, которыми мы сейчас располагаем, кратки и немногочисленны и уж вовсе единичны отзывы сочув-

⁸⁴ А. В. Никитенко. Дневник, т. I, стр. 180.

⁸⁵ Остафьевский архив, т. III. СПб., 1899, стр. 296.

ственные. Это в первую очередь два отзыва А. И. Тургенева в письмах его из Парижа к П. А. Вяземскому. Прочитав стихи Пушкина, Тургенев писал: «Спасибо переводчику с *латинского*. (Жаль, что не с *греческого*!). Биографическая строфа будет служить эпиграфом всей жизни арзамасца-отступника. Другого бы забыли, но Пушкин заклеил его бессмертным поношением. — Поделом вору и вечная мука!». ⁸⁶ В своем шуточном варианте подзаголовка к оде Тургенев имел в виду «греческий» порок Уварова, который «не вписался» в оду к Лукуллу, а может быть, и всем известное пристрастие Уварова — эллиниста и насадителя классического образования — к греческой древности. Однако смысл пушкинского подзаголовка был глубже: он указал на связь оды с традицией римской сатиры, вскрывая те слои ее содержания, которые дали право тому же А. И. Тургеневу — едва ли не самому пронизательному из первых ее читателей — сказать: «В стихах „На выздоровление Лукулла“ гораздо больше политики, чем в моих невинных донесениях о Физски». ⁸⁷ Этой оценкой Тургенев подчеркнул глубокий общественный смысл пушкинского памфлета.

Однако в Петербурге, где в первые же дни по выходе оды стало известно, что Пушкин своей сатирой навлек на себя неудовольствие Николая I, подобные суждения выражались, по-видимому, с осторожностью. Во всяком случае до нас дошел лишь один документ, в котором о «Лукулле» упоминается с нескрываемым одобрением, — письмо Д. В. Давыдова к Пушкину от 8 февраля 1836 г. В январе этого года Давыдов был в Петербурге. Здесь он впервые прочитал «Лукулла» и выразил Пушкину свое суждение о нем. Вернувшись в Москву, Давыдов узнал, что ода к Лукуллу распространилась во французском переводе А. Жобара, вместе с текстом извительного письма переводчика к Уварову. Перевод и письмо Жобара он переслал Пушкину со следующим примечанием: «Перевод довольно плох, но есть смешные места, что ж касается до письма, я, читая его, хохотал как дурак. Злая bestия этот Жобар, и ловко доклевал Журавля, подбитого Соколом» (XVI, 83). Другие отзывы об оде, исходящие из пушкинского окружения, не известны. Даже о позиции Вяземского, который, конечно, разделял мнение Тургенева, мы заключаем по косвенным свидетельствам. ⁸⁸ Из числа петербургских знакомых Пушкина двое, А. А. Краевский и А. В. Веневитинов, вскоре по получении в Петербурге книжки «Московского наблюдателя»

⁸⁶ Литературное наследство, т. 58, М., 1952, стр. 120.

⁸⁷ Там же, стр. 123.

⁸⁸ К этим свидетельствам относится, например, письмо к А. И. Тургеневу, написанное 25 октября 1835 г., т. е. еще до написания «Лукулла», где Вяземский сочувственно привел уничтожающую реплику гр. Ю. П. Литты в адрес Уварова, а также другие его неодобрительные отзывы о бывшем арзамасце.

упомянули о «Лукулле» в письмах своих к М. П. Погодину. Оба они были связаны с «наблюдателями» давними дружескими отношениями, и письма их отражают не столько интерес к оде, сколько беспокойство по поводу судьбы журнала, ее поместившего. Характерна разница в тоне этих писем. 17 января, т. е. когда «Лукулл» уже на шумел в Петербурге, но официальные последствия его публикации не стали еще известны, Краевский писал: «А зачем Наблюдатель напечатал стихи „На выздоровление Лукулла?“ Не хорошо <...> По-моему, это большая неосторожность. На Пушкина смотреть нечего: он сорви-голова!».⁸⁹ Спокойное предостережение Краевского сменилось в письме Веневитинова, написанном 21 января, когда размеры бедствия уже определились, выражением досады и отчаяния: «Но как же Вы, — восклицал он, — спроста напечатали „На выздоровление Лукулла“! — Эх! Эх!».⁹⁰

Одобрительные отзывы Тургенева и Давыдова, нейтральные упоминания Краевского и Веневитинова исходят из пушкинского окружения. Хотя число сторонников Пушкина безусловно не ограничивалось Вяземским, Давыдовым и Тургеневым, но не они определяли общий приговор.

О том, как разделилось общество в оценке пушкинской сатиры, узнаем все из той же дневниковой записи Никитенко от 20 января: «Лукулл» был неодобрительно встречен «большинством образованной публики» во главе с Николаем I. Никто не оспаривал верности портрета Уварова; придворное и великосветское общество просто сочло сатирический выпад Пушкина неблагопристойным. Отражением такого рода суждений может служить цитируемая выше запись Никитенко от 17 февраля. Заметим, что к этому времени некогда приятельные отношения Пушкина и Никитенко расстроились. Цензурные изъятия из поэмы «Анджело» Пушкин отнес на счет Никитенко, переменяв свое отношение к нему на холодно-официальное, чем вызвал обиду, а затем и неприязнь цензора. В отзыве о «Лукулле» эта неприязнь проявилась сполна. Никитенко, подобно пушкинскому цензору из послания 1822 г., квалифицировал сатиру на Уварова как пасквиль, что не помешало ему заметить, что в стихотворении все узнают «как нельзя лучше Уварова». В «Лукулле» он увидел месть Пушкина министру «за то, что тот подвергнул его сочинения общей цензуре».⁹¹ В другом дошедшем до нас критическом отзыве об оде «На выздоровление Лукулла», принадлежащем А. М. Языкову, сатира Пушкина расценена как отрицательное общественное явление. «Здесь толкуют о стихах Пушкина, напечатанных в „Наблюдателе“, и видят тут намеки на Уварова, —

⁸⁹ Литературное наследство, т. 16—18, М., 1934, стр. 716.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ А. В. Никитенко. Дневник, т. I, стр. 179.

писал Языков В. Д. Комовскому, служившему в канцелярии Уварова, — стихи плохи (какая же дрянь его Вастола!). Уваров все-таки лучше всех своих предшественников; он сделал и делает много хорошего и совсем не заслуживает, чтобы в него бросали из-за угла грязью. Впрочем, это наш либерализм, наша свобода тиснения!»⁹²

Оба приведенных нами неодобренных отзыва вышли из литературной среды, и вряд ли по ним можно составить представление обо всех оттенках неблагоприятных для поэта толков, вызванных его произведением. Хотя еще не окончив оду, Пушкин мысленно представлял доводы своих оппонентов и готовился к их отражению, реальность видимо превзошла его ожидания. Неудовольствие Николая I, объяснение с Бенкендорфом, толки и пересуды в гостиных — все это явно выводило Пушкина из душевного равновесия. Лихорадочное состояние поэта выдает хроника его дуэльных «начинаний», приходящихся на начало февраля. В эти дни Пушкин в резком тоне пишет к В. А. Соллогубу, которому он еще раньше направил вызов за неловкую шутку, обидевшую Наталью Николаевну. 4 февраля в собственном доме, оскорбившись словами С. С. Хлюстина по поводу рецензии Сенковского на «Востолу», Пушкин вызвал его на дуэль. Не успев помириться с Хлюстиным, он уже использует его как посредника при продолжающихся переговорах с Соллогубом. 5 февраля был направлен вызов кн. Н. Г. Репнину... Однако эта последняя история уже непосредственно связана с выходом оды Пушкина и на ней следует остановиться подробнее.

Как ни скудны сохранившиеся сведения, но и по ним можно заключить, что Уваров и его сторонники всячески старались смягчить силу нанесенного Пушкиным удара. Только деятельностью уваровских клеветников можно объяснить скорость, с которой в столице стало известно мнение Николая I о пушкинской сатире. Был ими испробован и другой путь — напомнить в обществе, что жена Уварова Екатерина Алексеевна была не единственной наследницей Д. Н. Шереметева и что Пушкин метил не в одного Уварова. Эти оскорбительные слухи дошли до кн. Н. Г. Репнина, женатого на старшей дочери В. П. Разумовской, Варваре Алексеевне, и, по-видимому, действительно вызвали у ни в чем не повинного князя раздраженные реплики по адресу Пушкина. Так или иначе, но тот же В. Ф. Боголюбов, который, будучи «креатурой Уварова», «уваровским шпионом-переносчиком»,⁹³ распространял, надо полагать, порочащие Репнина слухи, позаботился о том, чтобы отзыв князя о Пушкине стал широко известен.⁹⁴

⁹² Исторический вестник, 1883, № 12, стр. 540.

⁹³ См.: Русская старина, 1881, № 8, стр. 606, 611.

⁹⁴ В черновике первого письма к Репнину Пушкин писал, что эти слухи Боголюбов повторял «в кофейнях» (XVI, 252).

Расчет был верен: Пушкин, и без того выведенный из себя толками по поводу его стихов, потребовал у Репнина объяснений. В его письме к Репнину от 5 февраля ни ода «На выздоровление Лукулла», ни вызванные ею разговоры прямо не упомянуты. Однако, судя по содержанию и тону письма, Пушкину было прекрасно известно, что Репнин был введен в заблуждение ложным истолкованием оды. Именно поэтому поэт не столько просит объяснений, сколько сам дает объяснения: «Я не только никогда не оскорблял Вас, — пишет он, — но по причинам, мне известным, до сих пор питал к Вам искреннее чувство уважения и признательности» (XVI, 83).⁹⁵ В словах того же письма: «Вы не только знатный вельможа, но и представитель нашего древнего и подлинного дворянства», — можно усмотреть скрытое противопоставление Репнина Уварову, возвращающее нас к одному из главных мотивов «Лукулла». В контексте письма эти слова Пушкина воспринимаются как едва ли не главное доказательство того, что между наследником Лукулла и Репниным не могло быть ничего общего.

В своем ответе Пушкину Репнин не только назвал истинный повод, вызвавший дошедшие до поэта слухи, — «послание Лукуллу», но и связал (сознательно или бессознательно) передатчика этих слухов Боголюбова с С. С. Уваровым. Отказавшись от своих оскорбительных для Пушкина слов, Репнин в то же время обратился к Пушкину с наставлением. «Гениальный талант ваш, — писал он, — принесет пользу отечеству и вам славу, воспевая веру и верность русскую, а не оскорблением честных людей» (XVI, 84). Он затронул тем самым вопрос о праве поэта «выбирать предметы для своих песен», который вставал уже перед Пушкиным в период работы над «Лукуллом».

Ко времени получения ответа Репнина для Пушкина уже стали вполне очевидными последствия публикации «Лукулла». Вот почему в своем втором письме к Репнину он не без горечи вынужден был охарактеризовать свою сатиру как плод «огорчения и слепой досады» (XVI, 85).

Стремление избежать дальнейших осложнений в отношениях с двором определило и содержание письма Пушкина к А. Жобару от 24 марта 1836 г. Раздраженный против Министерства народного просвещения, Жобар воспользовался одой Пушкина для личной мести Уварову. Он послал Уварову свой французский перевод с язвительным обещанием содействовать славе своего «знаменитого начальника» публикацией пушкинской сатиры за границей. Об этом Жобар 16 марта написал Пушкину, приложив к письму экземпляр перевода (XVI, 92). Пушкин просил

⁹⁵ О причинах «уважения и признательности» поэта к Н. Г. Репнину см. в комментарии к этому письму в кн.: Пушкин. Письма последних лет. Л., «Наука», 1969, стр. 290.

Жобара воздержаться от публикации перевода: «Мне самому досадно, что я напечатал пьесу, написанную в минуту дурного расположения духа» (эти слова непосредственно перекликаются с приведенной оценкой оды в письме к Решвину). И далее поэт откровенно мотивировал причины своей просьбы — случай редкий в отношениях Пушкина с людьми незнакомыми. «Ее опубликование, — писал он, — навлекло на меня неудовольствие одного лица (Николая I, — Н. П.), мнением которого я дорожу и пренебречь которым не могу, не оказавшись неблагодарным и безрассудным» (XVI, 94).

Пушкин не зря был озабочен тем, чтобы страсти, вызванные «Лукуллом», скорее улеглись. Сатира не только осложнила его отношения с двором, не только создала ему непримиримого врага в лице Уварова и направила против Пушкина усилия уваровских приспешников. Даже в кругу ближайших знакомых поэта были люди, которых смутило нарушение поэтом светских условностей. Более чем через полгода после выхода «Лукулла» Пушкин продолжал видеть в нем одну из причин усилившегося разлада между ним и читательской публикой. Об этом свидетельствует рассказ Н. А. Муханова, переданный в письме Александра Карамзина к брату от 31 августа—3 сентября 1836 г. Карамзин пишет, что 29 августа Муханов «видел Пушкина, которого он нашел ужасно упавшим духом, раскаивавшимся, что написал свой мстительный пасквиль, вздыхающим по потерянной фаворитке публики».⁹⁶ Анализ этого письма, в котором далее рассказывается о том, что Пушкин показал Муханову «только что написанное им стихотворение» «Памятник», дал М. П. Алексееву основание поставить создание «Памятника» в определенную связь с переживаниями Пушкина весной и летом 1836 г., после появления «Лукулла».⁹⁷

Публикация оды «На выздоровление Лукулла» сказалась и на судьбе «Современника». Журнал Пушкина был разрешен 10 января. 14 января Бенкендорф известил об этом Уварова. А уже 16 января по Петербургу гремел «Лукулл». А. В. Никитенко, которому случай с «Анджело» показал, что иметь дело с Пушкиным — значит всегда быть между молотом и наковальней, отказался быть цензором «Современника». Тогда М. А. Дондуков-Корсаков назначил на это место «самого трусливого, а следовательно и самого строгого» из петербургских цензоров — А. Л. Крылова.⁹⁸ Друзья Пушкина ожидали «прижимки» новому журналу «от наследника Лукулла» (XVI, 102), — факты цензурной истории «Современника» красноречиво свидетельствуют

⁹⁶ Пушкин в письмах Карамзинных 1836—1837 годов. М.—Л., Изд. АН СССР, 1960, стр. 96.

⁹⁷ М. П. Алексеев. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...». (Проблемы его изучения). Л., «Наука», 1967, стр. 114—116.

⁹⁸ А. В. Никитенко. Дневник, т. I, стр. 180.

об этой «прижимке».⁹⁹ С другой стороны, Сенковский, стремясь нанести удар «Современнику», еще до его выхода в свет намекал на связь литературной программы журнала с «рифмованными пасквилями».¹⁰⁰

Но и в конце 1836 г. Пушкин не отказался от продолжения борьбы с Уваровым. В декабре он читал и предполагал в дальнейшем использовать в «Современнике» заметки П. А. Вяземского на книгу Н. Г. Устрялова «О системе прагматической русской истории», изданную при покровительстве министра.

Браждебное отношение Уварова к Пушкину послужило основанием для высказывавшегося еще современниками поэта, а позднее — исследователями его творчества мнения о причастности Уварова и его окружения к делу об анонимном пасквилие.¹⁰¹ По свидетельству А. В. Никитенко, еще в 1842 г. И. И. Давыдов в лекции по истории русской литературы, прочитанной в присутствии министра, «вовсе не упомянул о Пушкине — разумеется, из желания угодить Уварову, который никак не может забыть „Лукулла“».¹⁰²

⁹⁹ Были ли цензурные затруднения, с которыми встретился «Современник», связаны с общим положением в цензуре или к журналу Пушкина подходили с особенно строгой меркой, неизвестно; до сих пор эти вопросы вызывают разногласия. См. об этом: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., «Наука», 1966, стр. 229.

¹⁰⁰ Библиотека для чтения, 1836, т. XV, № 4, отд. VI, стр. 69. См. об этом в примечаниях Н. О. Лернера к оде «На выздоровление Лукулла» в кн.: Пушкин. «Сочинения». Под ред. С. А. Венгерова. Т. VI. Пгр., 1915, стр. 481—482. См. также: В. Г. Березина. Из истории «Современника» Пушкина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 300.

¹⁰¹ См.: Н. И. Куликов. А. С. Пушкин и П. В. Нащокин. — Русская старина, 1881, № 8, стр. 618; П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. М.—Л., ГИЗ, 1928, стр. 470—471; Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.—Л., «Academia», 1930, стр. 809.

¹⁰² А. В. Никитенко. Дневник, т. I, стр. 243; ср.: там же, стр. 195.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**СТИХОТВОРЕНИЯ
ПУШКИНА
1820-1830-х
ГОДОВ**

**ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ
И ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ПРОБЛЕМАТИКА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД**

1974